

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №3 (3) 2013 г. <http://provintelligent.ru>, <http://intelligent-spb.livejournal.com>

Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: spb.intelligent@gmail.com, provint.pashckov@yandex.ru

Евгений Степанов: «Должны быть разные точки зрения на литературу...»

— Евгений, рада приветствовать тебя в Гостинной! То количество проектов, в которых ты непосредственно участвуешь как руководитель и спонсор, просто ошеломляет. В последний раз, когда мы были у тебя дома, звонки не прекращались. Как тебе удаётся при таком напряжённом расписании всё выпускать в срок (вопрос риторический)? Под «всеми» я подразумеваю и журнал «Дети Ра», и «Зинзивер», и «Поэтоград», и «Литературные известия», и «Футурум АРТ», и «Знание-сила. Фантастика»... Добавлю к этому Союз писателей XXI века, телеканал «Диалог». А чего только стоит проект «Читальный зал». Ты практически сотворил свой литературный мегаполис, охватывающий русскоязычных авторов из разных стран. В связи с этим хочу спросить тебя, как ты видишь развитие своего мегаполиса? По каким направлениям он разрастается? Происходит ли это стихийно или запланированно?

— Вера, спасибо тебе за теплые слова и постоянное дружеское внимание к моей работе. Проектов действительно много. Более того, их становится почему-то все больше и больше. Например, начиная с октября, мы будем регулярно проводить в ЦДЛ заседания «Литературной гостиной Союза писателей XXI века». Об этом мы договорились с руководством ЦДЛ. Я очень горд, что теперь у московских и подмосковных членов «СП XXI века» есть возможность получить бесплатное медицинское обслуживание. Мы стараемся добиться таких преференций и для других региональных отделений. Наш «СП XXI века» постепенно становится истинным профсоюзом писателей. Мы защищаем их интересы, даем возможности для самореализации. Мы создаем новые журналы и ведем переговоры о покупке уже готовых брендов.

— С кем, например, проведены переговоры?

— В свое время я вел переговоры с журналом «Новая Юность», главным редактором Глебом Юрьевичем Шульпяковым. К сожалению, коллектив «Новой Юности» отказался. Сейчас идет оформление сделки по покупке одного очень солидного толстого журнала, входящего в престижный портал «Журнальный зал». Надеюсь, в этом году мы завершим оформление сделки. Также в поле зрения моих интересов как инвестора входят и другие толстые журналы. Например, «Новый мир». Если его выставят на продажу, я, несомненно, буду участвовать в тендере на покупку. И за ценой не постою.

— Хорошо, допустим, ты стал владельцем «Нового мира». Какие это сулит перемены для редакции и читателя?

— В корне изменится работа редакции. Редактор «Нового мира» (а также редакторы отделов) будет назначаться (а лучше — избираться) на какой-то определенный срок. Допустим, на пять лет. В противном случае, конечно, журнал подвергнется стагнации. Старые национальные бренды должны показывать лучшие достижения литературного процесса, а не узкой группы литераторов и уж, конечно, не поэтическое творчество сотрудников редакции. Я об этом уже много раз говорил и писал.

— Мне всё же кажется, что такая частая смена редколлегии может привести к другой крайности. Не станут ли сотрудники относиться к журналу как к перевалочному пункту? С подобным фактом столкнулись в США в корпорациях, где совет директоров избирает президента на несколько лет. Естественно, президент и отнесился к этому как к временной работе, и все его основные действия были направлены на завязывание контактов на будущее.

— Я думаю, что пять лет — это достаточный период времени, чтобы успеть сделать что-то хорошее. И, конечно, убежден, что ротация кадров, реформы в управлении журналами необходимы.

— А в своих журналах ты проводишь реформы?

— Провожу. И кардинальные. Впервые, я передал все права главного своего портала «Читальный зал» Союзу писателей XXI века. Просто подарил. В марте 2013 года я принял решение уйти с ряда должностей и делегировать полномочия своим заместителям. Главным редактором журнала «Зинзивер» стал Владимир Шпаков (Санкт-Петербург), главным редактором еженедельной газеты «Поэтоград» — Наталия Лихтенфельд (Берлин), главным редактором журнала визуальной поэзии «Другие» назначен Евгений В. Харитонов (Москва), главным редактором журнала «Персона ПЛЮС» — Василий Манулов (Москва). Заместителем главного редактора журнала «Зинзивер» стала Галина Илюхина (Санкт-Петербург), заместителем главного редактора журнала «Персона ПЛЮС» — Евгений Мелешин. Я понимаю, как я всем надоел со своими специфическими представлениями о литературе. Вот и хорошо. Пусть теперь «поруют» другие. Я оставил себе только журналы «Дети Ра», «Футурум АРТ» и газету «Литературные известия». Должны быть разные точки зрения на литературу и литературный процесс. А для этого необходимо обновлять редакторский корпус.

— А кто будет финансировать все эти издания?

— К великому сожалению, по-прежнему, я. Видимо, это мой крест. Мы

не получаем дотации от государства. А может быть, это и хорошо. Мы, слава Богу, никому ничего не должны.

— Расскажи немного об особенностях каждого из твоих изданий. В чём их специфика?

— Все наши журналы разные, хотя большинство из них посвящено поэзии. «Дети Ра» — поэзии регионов, «Зинзивер» — Петербургу, «Футурум АРТ» — авангарду, а «Другие» — визуальной поэзии. Еженедельная газета «Поэтоград» показывает все направления развития русского стиха — от наивного до классического. То есть в итоге мы стараемся не повторяться. Все наши журналы и газеты — это инструменты по сбору информации для готовящейся в издательстве «Вест-Консалтинг» 3-х томной «Антологии современной русской поэзии». Первый том выйдет уже в этом году. Сейчас я вычитываю очередную корректуру. Помогает мне мой заместитель, поэт и литературовед Владимир Коркунов. Он уже нашел десяток ошибок и опечаток.

— Расскажи о своей книгопечатной деятельности. Каково реальное положение дел с изданиями книг поэзии и прозы в России? Что пользуется спросом у современного читателя? Каковы шансы у новых авторов обратить на себя внимание читательской аудитории?

— Издательство «Вест-Консалтинг», в котором я учредитель и генеральный директор, работает на российском рынке 10 лет. Сейчас это известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, сети книжных интернет-магазинов. Самый известный из них — www.litlavka.ru. Совместно с «Союзом писателей XXI века» мы издаем литературно-художественные журналы и газеты (о них я уже рассказывал). Компания выпускает книги (более 300 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR-услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц). «Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), лауреат премии «Московский счет». Это я рассказал о наших успехах. Теперь о грустном. Книга в настоящее время становится сувениром. Тиражи микроскопические. Стихи не покупают. Прозу покупают, но в основном плохую. Детективы, триллеры и т. д. Спросом пользуется прикладная литература, литература о чем-то. Например, мои книги интервью «Диалоги о поэзии» и «Знаковые имена русской прозы

и публицистики» стали бестселлерами крупнейшего магазина «Москва». А мои стихи, да и стихи других авторов никто не покупает. Что касается шансов у новых авторов обратить на себя внимание читательской аудитории, то они, увы, невелики. Продвижение писателя на книжном рынке — это сейчас главная и очень непростая профессия. Издать книгу не сложно. А что дальше? В какие магазины она попадет? Кто о ней напишет? В каких изданиях? Эти вопросы возникают в настоящее время практически у любого автора. Издательство «Вест-Консалтинг» помогает писателю — хорошему писателю! — решить все эти проблемы.

— Какие современные журналы близки тебе по духу, концепции?

— Мне нравится «Журнал ПОэтов», который издают мои друзья Константин Кедров и Елена Кацоба. Я горжусь, что печатаюсь почти в каждом номере этого издания. Мне симпатичен «Арион», старейший в России журнал поэзии. Имею честь быть автором и этого издания. Очень уважаю журнал «День и Ночь», он выходит в Красноярске. На мой взгляд, главный редактор и поэт Марина Саввиных сделала один из лучших толстых литературных журналов в России. Да много хороших журналов в нашей стране и за рубежом. Сейчас есть, где печататься. Поливариативный литературный русскоязычный мир все-таки создан. Осталось дело за малым — найти читателей.

— В чём ты видишь специфику современного литературного и издательского процесса, и как это сказывается на функционировании твоих изданий?

— Литературный процесс сейчас — это вещь в себе. Мы читаем друг друга. Тиражи крошечные, массовому читателю поэзия не нужна. Я не говорю, что это плохо. Это то, что есть. Для нас очень важны социальные сети. И не случайно у всех наших изданий есть своя страничка в фейсбуке.

— У тебя публикуются авторы ближнего и дальнего зарубежья. Это касается и журнальных публикаций, и книг. Для тебя это единая литература или есть разница между авторами, проживающими в России и за рубежом?

— Конечно, это единая литература.

— Твоё издательство «Вест-Консалтинг» сотрудничает с американским издательством Charles Schlacks Jr Publisher. Расскажи немного о совместных проектах с этим издательством.

— Да, «Вест-Консалтинг» работает и для заграничного читателя. Мы выпустили книги на американский книжный рынок, на румынский... Очень рад, что мы начали сотрудничать с авторитетным американским издательством Charles Schlacks Jr Publisher. Мы выпустили две книги — очень сложную, полную аллюзий поэтическую прозу Бориса Левита-Броуна из Италии и реалистичную прозу Эдуарда Просецкого из Москвы. Книги оказались востребованы, и для нас это большая честь и радость.

— Благодарю, Евгений, за интересное интервью и желаю удач от «Гостинной» и ОРЛИТЫ!

Интервью вела Вера ЗУБАРЕВА
Журнал «Гостинная»

(Редакция газеты «Интеллигент. Санкт-Петербург» благодарит Веру Зубареву и журнал «Гостинная» за разрешение на публикацию интервью)

Гость номера

Формула поэзии

– Кирилл Владимирович, что такое поэзия? Я говорила на эту тему с разными поэтами и каждый раз – новое определение.

– Если бы существовала формула поэзии, то она была бы наукой. А так как это – свободное искусство, то, прежде всего, эстетическая интуиция подсказывает, где она есть, а где её нет. Я обычно привожу такой пример. Язык для прозы – инструмент, посредник. Если вы вспоминаете роман Достоевского, то вы вспоминаете его героев, но не текст. А если вы хотите вспомнить стихотворение, то вы обязаны повторить текст, слово в слово. Поэтому, что в поэзии язык, слово – это цель, а не средство. И поэзия – в языке, поэтому она так труднопереводима, в то время как перевести роман можно почти адекватно. А поэзию адекватно перевести нельзя, её можно только воссоздать.

В поэзии слишком много ассоциаций. Стихотворение связано с данным народом, его историей, страной – и у читателей все эти ассоциации существуют. На другом языке таких ассоциаций нет. Например, когда переводишь Пушкина, нужно с ним «переносить» и Россию, что невозможно; поэтому Пушкина, как правило, за рубежом не могут оценить по достоинству. Ну, подражал Байрону... А у нас Байрон звучит как подражание: нет живого языка, нет этого очарования, и поэтому русский человек наизусть скорее выучит Лермонтова, а не Байрона.

А есть поэты, которые не поддаются переводу вообще. На русский, по-моему, лучше всего переводятся стихи, где присутствует ирония: Бёрнс, Беранже, Гейне...

– Вы много переводите, свободно владеете несколькими языками. А Вы не пробовали переводить собственные стихи на другие языки?

– Мои стихи переводили на многие языки; например, вышла моя книжка в переводе на румынский язык. И хотя я румынский знаю свободно, сам я не переводил: я помогал переводчику, редактировал. Но однажды я всё-таки сделал попытку перевода своего стихотворения на румынский язык – и получилось, в сущности, другое стихотворение. Почему? Потому что я – хозяин, что хочу, то и делаю.

Когда-то один крупный молдавский писатель, Ион Друцэ дал мне перевести на русский свой рассказ. Я перевёл, приношу. Он прочитал и говорит мне: «Кирилл, ты не возражаешь, если я немножко поправлю?» Я, конечно, немного скривился: молдавский писатель будет меня править! Сел на диван, взял какой-то журнал. Минут двадцать он работал и – сделал гораздо лучше: кое-что вычеркнул, кое-что добавил – он же хозяин. А я – раб! В прозе переводчик близок к рабу, он привязан к тексту. А в поэзии рабства нет, переводчик – соавтор.

В поэзии есть, конечно, две школы перевода: одна считает, что нужно переводить точно, близко к оригиналу, а другая – что надо создавать живое стихотворение по мотивам иноязычного. И до сих пор эти две школы спорят с переменным успехом.

– А как переводите Вы?

– Я стараюсь сначала воссоздать близко к оригиналу, если не получается – ишу что-то иное, в том же духе. Но первая попытка – воссоздать манеру переводимого поэта насколько это возможно. А школа Пастернака совсем другая: он создавал переводы в своём стиле.

– Учитывая, что в наши дни практически невозможно заработать поэзией, кого можно назвать «профессиональным поэтом»?

– Я даже не знаю, есть ли профессиональные поэты сейчас. Но ведь тут два смысла: в первом смысле это слово означает степень овладения профессией, а второй смысл – авторы, которые живут за счёт своей профессии. Так во втором смысле слова «профессиональных поэтов», по-моему, нет. Конечно, есть поэты-песенники, но это уже прикладная поэзия, а не самодостаточная. Или есть ещё поэты, которые работают на средний обывательский вкус – они-то и продаются, издаются большими тиражами. Потому что они пишут прямо о прямых переживаниях: о дружбе, о ревности, о том, что жена изменила... Вот это и трогает. На это всегда есть спрос.

– Кирилл Владимирович, Вы много работаете с творческой молодёжью. Из Вашей литературной студии вышло много

известных поэтов. Но здесь возникает вопрос: а можно ли вообще научить человека создавать поэзию?

– Чему-то научить можно. Например, Моцарт был гением, но на пианино его всё-таки играть обучали. То есть, можно научить инструментовке, мастерству. Но это всё – дополнительно к таланту; и потом, настоящий гений очень легко самообучается, он как бы из воздуха выхватывает всё, что ему нужно. Разве можно сказать, что Лермонтова кто-то тренировал? Нет, он ухватывал всё сам.

– А чему лично вы учите молодых авторов на семинарах, какова идея, концепция?

– Я стараюсь, прежде всего, создать культурную атмосферу, какой-то культурный бульон. И расширять горизонты, то есть рассказывать то, чего не знают, потому что я по своему многолетию и опыту, наверное, знаю больше. Кроме того, я стараюсь создать атмосферу терпимости и искренности. Обычно, когда я веду студию, я стараюсь следить, чтобы люди не обижались друг на друга, а верили, что человек говорит искренне: вот так он понимает.

И самое главное, чтобы всем была ясна одна простая вещь: всем нравиться невозможно. Это естественно: даже великие часто друг друга не признавали.

– Да и просто читатели: кто-то любит Пушкина, а кто-то – Лермонтова и так далее.

– Конечно. Я знаю людей, которые не любят Пушкина, говорят, что он навредил русской поэзии: сделал её «французистой». А сколько сил Лев Николаевич Толстой положил на то, чтобы разоблачить Шекспира: он считал, что величие Шекспира – это внушенный самообман.

– Что можно сделать нового в поэзии в наше время?

– Для меня новое – это личность, а всё остальное приложится. Есть, конечно, сейчас ощущение исчерпанности; на западе, по-моему, это ощущается сильнее. Например, современная французская поэзия сейчас очень «уставшая»: уже кажется, что всё перепробовали.

Но может появиться личность. Вот, например, в начале XX века победил символизм и была целая плеяда признанных поэтов, больше всего на букву «Б»: Бальмонт, Блок, Брюсов, Белый... И вдруг появляется «варвар» типа Маяковского – и эта личность утверждается как бы наперекор. Необходимо появление личности – и тогда в поэзии возникает нечто новое вместе с этой личностью. Бродский, открывший новую интонацию в поэзии, для нашего общества тоже был человеком нового менталитета, личность: он был не советский и не антисоветский, а вне-советский – поэтому он стал явлением. И так далее. Вполне возможно, что сейчас где-то во втором классе школы учится следующая Личность русской поэзии...

– Влияет ли развитие интернета на поэзию, и если влияет, то как?

– Я думаю, что влияет: и положительно, и отрицательно. Положительно, поскольку облегчает пропаганду поэзии: сейчас кто ищет, тот гораздо легче найдёт желаемое. А вредная потому, что публикация обманчива – выставляется любой графоман. И человек, не имеющий ориентира, легко сбивается, соблазняется этим морем лёгкописи: раз это есть на экране, то это как бы существует. И я так могу!

Кроме того, сейчас и телевизор, и интернет ограничивают книгу и это уже необратимо. Видимо, книга будет оттеснена, но не вытеснена. Книга становится предметом роскоши, ею можно любоваться. А интернет – это как бы раздетая книга.

– Но не кажется ли Вам, что одновременно происходит девальвация книги? Так легко издать свою и поставить на полку рядом с Вашей, рядом с томиком Мандельштама.

– За свой счёт – ещё нельзя сказать, что это издание книги. Это просто размножение рукописи. Тираж сто экземпляров – это не издание.

В восемьдесят девятом году у меня вышел сборник стихов в «Библиотечке «Огонёк» тиражом в 150 тысяч. Я поехал в Румынию, а там в то же время один мой знакомый поэт издал книжку тиражом в 300 экземпляров. Тогда я посмеялся, а сейчас – увы! – нас постигла та же участь.

– Но, с другой стороны, всё возвращается «на круги своя»: у Цветаевой первая книжка тоже вышла достаточно маленьким тиражом за счёт автора.

– Да, помнится, она даже от родителей прятала тираж под кроватью. Но Цветаева была умная девочка и разослала книгу хорошим поэтам: она знала, кому послать. Поэтому её сразу заметили, появились рецензии. Конечно, бедная, она и не предполагала, что будет настолько знаменита в России: иначе она бы не кончила так трагически. У неё после эмиграции было ощущение полного тупика, что она не нужна и поэзия её не нужна.

– Да, когда читаешь переписку Цветаевой, Пастернака и Рильке, создаётся впечатление, что вот они, потерянные одиночки, вдруг находят кого-то, кто живёт на той же волне. И даже когда возникает любовь, она естественна: будучи совсем один, ты вдруг находишь равновеликого единомышленника.

– Но похоже, что Цветаева довольно активно вытесняла Пастернака из этой тройки: она вцепилась в Рильке всей силой таланта, но не успела с ним встретиться.

– Возвращаясь к разговору о форматах: Кирилл Владимирович, каково, на Ваш взгляд, будущее толстых журналов?

– Не очень радужное. Но сейчас они выполняют особую роль: издатели и зарубежные переводчики следят за традиционными толстыми журналами, чтобы знать, кто сейчас печатается. Всё-таки, это бренд. Сейчас, конечно, выпускаются сотни альманахов, но за ними никто не следит, а вот за традиционными журналами продолжают следить. Таких журналов мало: «Новый мир», «Знамя», «Дружба Народов», «Октябрь», «Нева», «Звезда», – вот и всё. «Юность», к сожалению, потеряла прежнюю роль; и много есть ещё журналов, но они ни на что не влияют.

Правда, журналы выполняют рекомендательную функцию для культуры, но не для читателя. Читателя они потеряли: его почти нет, подписчиков нет, библиотеки выписывают мало. Та роль, которую толстые журналы играли в обществе раньше, уже утрачена необратимо.

Но ведь во многих странах нет традиции толстых журналов. Например, в Румынии толстых журналов вообще никогда не было. Был один толстый журнал, но он был тематическим – такие есть и в Англии, и во Франции. Зато у них распространены литературные еженедельники, типа газеты: почти каждая область в Румынии имеет свой литературный еженедельник; эти издания выполняют небольшую культурную роль, у них есть свои читатели. И эта традиция довольно давно установилась. А у нас таких литературных газет нет: есть «Литературная газета», «Литературная Россия», да ещё литературное приложение «Ex Libris» у «Независимой газеты», и всё.

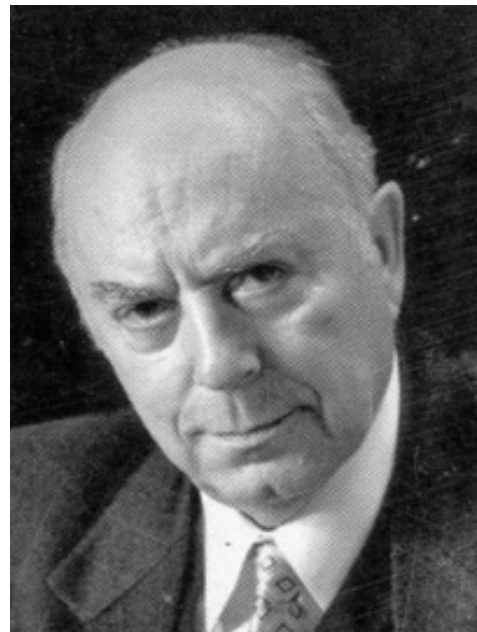
– А какими, Вы думаете, будут бумажные форматы – и журналы, и книги – скажем, лет через двадцать?

– В прошлом в России журналы выполняли довольно высокую роль для литературы. Через них впервые узнавали о многих новых шедеврах, потому что издательства в советское время были чрезвычайно неповоротливы: книга должна была сначала попасть в план, и за это шла борьба, а потом план исполнялся в течение двух-трёх лет. А журналы могли выпустить новое произведение за несколько месяцев, поэтому они опережали издательства.

А теперь наоборот: издательство может выпустить книгу за одну неделю. В Германии сейчас есть магазин, как мне рассказывали, где вообще делают книжки на заказ. То есть выставлены образцы книги, человек выбирает, и пока он ждёт, минут за 20, ему изготавливают экземпляр; такому магазину не нужен тираж, не нужны складские помещения, они выпускают книги по мере требования. Может, таким будет будущее: не печатать тиражи вообще, а выпускать нужные издания по заказу покупателей.

– Да и в России сейчас есть издательства, которые выпускают книги минимальными тиражами, а при необходимости просто допечатывают.

– В России это было и раньше: книга Брюсова «Шедевры» выдержала за год одиннадцать изданий. Мне сначала было непонятно, что это значит. А оказалось, что издательство выпускало книгу порциями: разошёлся пробный тираж, – печатают ещё одну порцию и ставят номер

Кирилл Ковальджи

Поэт, прозаик, критик, переводчик. Родился в 1930 году в Южной Бессарабии. Автор многих стихотворных сборников и публикаций в литературной периодике России, Молдавии, Румынии, Польши и Болгарии. Член Союза писателей Москвы, редактор сетевого журнала «Пролог». Живёт в Москве.

переиздания. Это тоже разумно.

Но сейчас большая беда в том, что в такой огромной стране как Россия нет системы распространения книг: она была, но сейчас она разрушена и не восстановлена. Не находится ни одного бизнесмена, который взялся бы наладить эту инфраструктуру. В Советском Союзе, если книжка была издана, то она появлялась во всех городах, во всех книжных магазинах: пусть даже по три экземпляра, но книжки появлялись и во всех библиотеках, даже районных.

Сейчас оптовики не хотят брать поэтические сборники: их интересуют только книги быстрого распространения, где можно за неделю вернуть деньги. А сборник поэзии может продаваться и год, и два, и три. Во Франции это никого не смущает: книжка может долго стоять на полке. Наоборот, у них считается престижным, чтоб в магазине было всё, что издано. А у нас сейчас стараются избавиться от того, что «плохо идёт». У меня был случай года три назад: в «Литературной газете» вышла сводка продаваемости в магазине «Московская книга»: сколько поэтических книг продано за год. Впереди были детские стихи Михалкова, потом Асадов и Дементьев, а в конце – два экземпляра книги Олега Чухонцева и один – моей. Я заинтересовался, взял эту газету, пошёл в магазин:

– Вот вы продали один экземпляр. А сколько остальных?

Они смотрят по компьютеру:

– Нет ни одного.

– Как так? А сколько же экземпляров вы заказали?

– А мы вообще не заказывали.

– Не может быть: вы же один экземпляр продали!

Двадцать минут они выясняли, потом разобрались:

– А, это наш филиал в Коптево! Они заказали четыре экземпляра.

– А вы?

– Ну, у нас избыток сборников стихов, места на прилавках нет... Извините.

Правда, после разговора со мной они десять экземпляров заказали.

– Кирилл Владимирович, а каково будущее русской поэзии? Вы как-то говорили, что итальянская поэзия ушла в песни...

– Русская поэзия ещё достаточно молодая: ей всего триста лет, в то время как итальянской – семьсот. Поэтому русскую поэзию в ближайшем будущем, по-моему, ещё ожидает вполне живое развитие. А в принципе, поэзия всегда существовала в разных формах: у человека есть потребность петь, танцевать – и стихи тоже одна из потребностей. Если не будет появляться новых значительных поэтов – что ж, будем читать старых, это тоже неплохо.

Поэтому пауза в литературе меня абсолютно не смущает: наша культура уже достаточно накопила, что вполне можно перечитывать. А если, действительно, возникнет потребность в новом голосе – то он обязательно появится.

Гость номера

– Кирилл Владимирович, Вы видите сейчас существенные школы или течения в поэзии?

– Конечно, питерская поэзия несколько отличается от московской: Бродский, Лосев, Кушнер, Елена Шварц.... Но дело, по-моему, вовсе не в этом. В поэзии есть два основных течения: одно – жизнеутверждающее, пушкинское, а другое – жизнеотрицающее, лермонтовское. Всё время они возникают: вот, совсем недавно погиб поэт Борис Рыжий. Это был поэт трагического направления. Поэтому я отдаю должное его таланту, но он мне не близок, даже чужд своим болезненным стремлением к самоуничтожению. К сожалению, эта тенденция в поэзии существует, она существует и в жизни: с одной стороны, у нас прогресс, а с другой – опасность гибели цивилизации. Мы одновременно и строим, и яму себе копаем.

– А на Вашей памяти появились ли в поэзии действительно замечательные находки, скажем, такие, как импрессионизм в живописи?

– Нет, сейчас школ нет. Были попытки: «метаметафористы», «минималисты» и так далее, но это уже слабые подобию школ. Сто лет назад это было сильно выражено, а сейчас это – просто попытки что-то реанимировать, повторить. Поэты кучкуются, чтобы как-то выделиться: когда нет собственной силы, ищут группку. Но, по-моему, это – те «леса», которые потом убираются: футуризма нет, а есть Маяковский, имажинизма нет, а есть Есенин, и так далее.

– Да, это ещё Горький, по-моему, говорил о Маяковском.

– Конечно! Но всякий большой поэт быстро вырастает из этих групповых одёжек. Хотя они, как первая ступень ракеты, выполняют свою роль, но потом первая ступень отбрасывается.

– Есть мнение, что стихи представляют ценность только в историческом контексте, то есть напиши вы сейчас «Я помню чудное мгновенье» – это уже будет никому не нужно. Скажем, если бы в наши дни в ваш журнал «Пролог» кто-то прислал ранее никем не написанное «Я вас любил, любовь ещё, быть может...» – вы бы это опубликовали?

– Думаю, что настоящая поэзия – вне времени. «Я вас любил...» – это абсолютно современные стихи и в юности они для меня были очень актуальны. Это – живая поэзия, а не музей. И если бы мне такие стихи прислали на публикацию, я бы их обязательно напечатал. Удивился бы, конечно, что так здорово написано...

Разумеется, я исключаю случаи, когда проскальзывают слишком явные приметы времени, Дианы с Купидонами всякие. А обычная лирика – это поэзия вневременная. Поэт отражает время, но одновременно воспаряет над ним. Та же «Наука любви» Овидия читается абсолютно как эротическая поэзия, вошедшая в моду сейчас.

– Вы, конечно, помните знаменитые елагинские строки:

**Кто пишет потом, кто слезой,
Кто половию железой.
А что вдохновляет Вас?**

– Чаще всего – влюблённость или вроде этого. Я считаю, что стихотворение должно быть хоть маленьким, но событием, а не работой. Поэтому я никогда не позиционирую себя как поэта, который обязан поддерживать свою поэтическую репутацию и постоянно что-то писать. Не пишутся стихи – напишу роман, повести, литературную критику, займусь переводами... В общем, я – литератор, человек, который выражает себя в разных жанрах. Любимый жанр, конечно, поэзия; но не всякий раз есть настроение. Хотя, конечно, техники и мастерства хватает, чтобы я в любой момент мог написать стихи – и будет достаточно симпатично; но, по-моему, что-то должно прийти само: изнутри или извне. Кто-то из французских сказал, что первую строчку подсказывает Бог, а всё остальное зависит от мастерства.

И потом, я не пишу отдельные стихотворения, я строю целое здание: каждый мой стих входит в контекст того, что мною написано вообще. Поэтому у меня антологических стихотворений нет. Есть поэты, у которых какое-то одно стихотворение попадает во все антологии, а у меня таких вещей нет: я попадал в разные антологии, но всегда абсолютно разными стихами. Я пишу, можно сказать, роман в стихах. С продолжением...

Беседовала Наталья КРОФТС
Москва, 2012

Кирилл Ковальджи

**Когда до учебных пособий
докатишься в славе своей,
окажешься среди подобию
и выйдешь на свет без теней.
От жизни останутся даты,
вопросы отменит ответ,
стихи обратятся в цитаты,
лицо превратится в портрет...
Побудь же у славы в отгуле,
поспорь со своею судьбой,
пока тебе рот не заткнули
строкой, сочиненной тобой!**

Обзор современной поэзии

**Поэты, поэтессы –
Гламур, деликатесы...
Фуфло и ширпотреб...**

Большая редкость – хлеб.

**В лес по грибы после всех –
всё равно что в Поэзию
после Пушкина и Пастернака.
И всё-таки...**

**Неосознанная вроде
с тайной смысла и числа
жизнь, которая проходит,
жизнь, которая прошла.
Карта, что была в колоде,
на ладонь мою легла –
жизнь, которая проходит,
жизнь, которая прошла.
И отводит, и подводит,
и творит свои дела
жизнь, которая проходит,
жизнь, которая прошла.
Тень заката в мире бродит,
но мучительно мила
жизнь, которая проходит,
жизнь, которая прошла...**

**Что такое старость? Проза
Романтической зари ...
Телу бrenному – угроза
Не извне, а изнутри.
Друг-философ, дальше нос
Загляни – увидишь свет,
Небеса – как знак вопроса
Там, где был прямой ответ...**

**Кто переступил порог смертельный,
не вернется, говоришь, оттуда?**

**Может быть, в другой сосуд скудельный
перельется влага из сосуда?
Жизнь моя подключена к потокам
вечного космического света, –
трепещу, вибрирую под током
галактического Интернета.**

**Может быть, покорны общим срокам,
мы избегнем воцаренья мрака:
саваном прикидывался кокон,
выпорхнула бабочка, однако...**

**Был закат Москве показан –
Рдяный, синий, золотой.
Был закат ничем не связан
С городской суетой.**

**Беззащитна и прекрасна
Эта женщина, как сон.
С нею связывать напрасно
Братство, равенство, закон...**

**Красота идёт по свету,
Вырастая в высоте,
Словно требует к ответу...**

Что ответить красоте?

**Суждено горячо и прощально
повторять заклинаньем одно:
нет, несбыточно, нереально,
невозможно, исключено...**

**Этих детских колен оголённость,
лёд весенний и запах цветка...
Недозволенная влюблённость –
наваждение, астма, тоска.**

**То ль судьба на меня ополчается,
то ли нету ничьей вины:
если в жизни не получается –
хоть стихи получаться должны.**

**Комом в горле слова, что не сказаны,
но зато не заказаны сны:
если руки накрепко связаны –
значит, крылья пробиться должны.**

**Голову задрал,
у стены стоишь:
прошлогодний снег
сбрасывают с крыши.**

**Вот бы заодно,
торопя весну,
да смахнуть рукой
напрочь – седину!..**

Надпись на обоях

В тот вечер я шел к ней с твердым намерением “перейти Рубикон”. Медлить больше нельзя, завтра будет поздно. Я решил сделать ей предложение – не больше и не меньше. Галя, милейшая студентка биофака, к тому же – моя землячка, я начал приударять за ней еще дома, и вот благодаря судьбе мы оба оказались в Москве. Уже с полгода я пересекал столицу с севера на юг, заявлялся в общежитие МГУ, где у Гали была отдельная комнатка в двухкомнатном отсеке, очень уютное гнездышко, чистенькое, со вкусом обставленное. Она, к моему удовольствию, угощала меня бутербродами и чаем, – моя студенческая жизнь сытостью не отличалась.

Мы болтали о том о сём, о генетике и экзистенциализме, о новых фильмах и книгах, потом начинали, как дети, шалить, валять дурака, в шутку боролись. Я частенько опрокидывал ее на кровать, мы то смеялись, то затихали. Галя не слишком противилась, я не слишком настаивал, ни до чего серьезного дело не доходило. Галя была положительная девушка, честная и умная, с ней нельзя было просто так, я это чувствовал и не переступал черту, все откладывал, мне и так было хорошо, тем более, что я был влюблен не в нее одну, каюсь.

Время шло и – работало не на меня. На горизонте появился Виктор. Высокий кудрявый аспирант, он запросто заходил к Гале (жил в соседнем корпусе) и не только стал нарушать мой привычный ритуал и поедать часть “моих” бутербродов, но восторженно не сводил с нее глаз и явно питал весьма основательные намерения. А что Галя? Она благосклонно приняла его в “компанию”, поддерживала вежливую и ровную атмосферу, предоставляя нам решать – кто кого пересидит. Легко сказать. Я жил на другом конце города, а этот кудряш был всегда под боком. После одиннадцати мне нельзя было оставаться в общежитии, а ему – можно.

Я понял, что стою на краю. Осознал, что Галя мне дорога и что уступать тому ученому парню не собираюсь. Как я мог быть таким размазней? Трус я, что ли? Галя ко мне привыкла, привязалась, готова полюбить – что ж я медлю – жду, чтобы она сама мне бросилась на шею?

Ее образ стал преследовать меня. Миловидное личико, таящее неожиданную изменчивость – задумчивое, сосредоточенно сдвинутые бровки – она будто собиралась хмуриться и ни с того ни с сего озарялась удивительной детской улыбкой. Она была смешливой. Голос низкий, словно слегка простуженный, но опять же неожиданный контраст – смех получался звонкий, тоненький.

Итак, в тот раз я отправился к Гале, готовый к решительному шагу. Как нищий студент или неотесанный чурбан, я пришел с голыми руками – ни цветочка, ни пирожного – зато с продуманным намерением. Я присел к столу напротив нее,

разговор как-то не клеился, я силился перебороть волнение, молот всякую чепуху, а она, терпеливо слушая меня, вполне по-домашнему принялась вязать. Мельканье спиц буквально загипнотизировало меня, в горле стоял ком, я замолчал. Трус несчастный! – ругал я себя, но ни встать, ни подойти – приклеился к стулу. “Галя, выходи за меня замуж!” – репетировал я мысленно, а она продолжала спокойно вязать, цепляя петельки одну за другой.

И тут я придумал. Я повернулся к стене и карандашом медленно вывел на обоях: “Будь моей женой!” Галя с интересом глянула, но ничего не разобрала – была близорукой. А я, оглушенный ударами сердца, все же вздохнул облегченно: вот, я перепрыгнул через Рубикон! Теперь она встанет, прочтет и...

Но она не вставала.

“Что ты там написал?” – спросила.

“А ты подойди, подойди, прочти!” – хрипло вымолвил я.

“Прочти мне ты”.

“Нет, ты...”

“Ну как хочешь... я потом”.

И опять замелькали спицы. Несколько секунд прошли в полной тишине. Внезапно, сам того не ожидая, я схватил карандаш и стал густо зачеркивать написанное.

“Что ты делаешь? Ты портишь обои. Что с тобой?” – заволовалась Галя. Я перевел все в шутку, заторопился и стал собираться восвояси...

Боже мой, какими только словами я себя не обзывал! Я все провалил. Сдрейфил. Я весь горел от стыда. Не помню – когда и как я потом показывался ей на глаза, но через месяц я был приглашен... на свадьбу!

...Как сейчас, вижу такую сцену. Галя, Виктор и гости танцуют в холле девятого этажа общежития. Я, хорошенько подвыпивший, в состоянии какой-то горькой протрации выхожу на балкон, смотрю вниз – там на площадке маленькие человечки играют в волейбол. Уже смеркалось. Я перелез на ту сторону балкона, повис на руках. Никакого страха. Только жалко себя.

Слава Богу, никто не заметил – спустя несколько секунд я подтянулся обратно...

Кажется, даже потанцевал с невестой с видом несчастного и благородного рыцаря. Но наутро, проснувшись, я похолодел от ужаса, вспомнив себя висящим на балконе девятого этажа. До сих пор не хорошо...

Но вот прошли годы и годы, и меня однажды осенило: никаким я не был трусом тогда. Просто не догадывался, что на самом деле не хотел того, что собирался сделать.

А если б прочла она ту надпись на стене?

Не знаю. Знала – судьба...

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Мы обе видели войну – она в Карабахе, а я в Чечне

Интервью Елены Шуваевой-Петросян с писателем и художником Асей Умаровой

Ася Умарова

Родилась 3 ноября 1985 года в г. Городовиковск Калмыцкой АССР. С 1993 года живет в Чеченской Республике, в селе Пролетарское. За время военных кампаний за пределы республики не выезжала. В 2008 году окончила журфак ЧГУ. В 2009 году прошла постдипломный курс по специальности журналистика в Кавказском институте СМИ в Ереване (Армения). Статьи публиковались в России, Грузии, во Франции и Великобритании. Увлекается графикой. Картины выставлялись в России, Америке, Италии, Германии, Бельгии, Польше и Грузии. Статьи публиковались в Чехии и в Армении.

Ася, как твоя семья пережила войну в Чечне?

– За год до начала военных действий мы окончательно переехали из Калмыкии в Чечню. Кто бы мог тогда подумать, что начнется война, что затянется так долго, а потом еще и вторая. Из Чечни уезжали все, у кого была возможность. У нас ее не было. Вернее, мы могли, конечно, разместиться в палаточных городках в Ингушетии. Но мои родители считали это унижением, считали, что лучше умереть у дома и не драться в очередях за гуманитарной помощью или хлебом. Не хочу говорить о войне – о ней сложно говорить тем, кто ее пережил. Самое главное, что после всех этих ужасов я не озлобилась. После окончания второй войны я записалась во всевозможные кружки и студии – пела в хоре, гастролировала с молодежным театром, жила насыщенной студенческой жизнью. Позже я заметила, что как только моя нагрузка уменьшается, я впадаю в депрессию, меня одолевают жуткие воспоминания. Так что для меня важно, чтобы что-то происходило. Когда я не рисую, то пишу, если не пишу, то рисую. А когда не бывает вдохновения, то обязательно что-то придумано.

Ты известна, в первую очередь как писатель.

– Я стала писать прозу только в 2010 году. И хочу поблагодарить редакторов, которые не публиковали мои первые работы. Хотя мой дебют состоялся в 2005 года в журнале «Нана», это было не литературное произведение, а отрывок из моего личного дневника. Потом публиковалась в журнале «Юность», «Звезда», «Дружба народов». Все, что опубликовано в этих журналах, было написано мною в Тбилиси. А за прошлый год в Чечне я написала только одно произведение. Чувствую, что мне не хватает мощного литературного объединения молодых русскоязычных писателей, аналогом которого можно считать «МОЛОТОК» в Тбилиси, который мне посчастливилось посещать. Мы собирались каждую неделю и разбирали наши тексты.

А что было сначала: литература или изобразительное искусство?

– Рисовать я начала раньше. Думаю, никаких способностей у меня не было, но я много рисовала и мои работы с детства выставлялись во многих странах мира, были опубликованы в книгах и журналах, у меня было три персональных выставки в Тбилиси и в Грозном. Некоторые картины я продала в Бельгию и Финляндию. Сейчас я придумала новый стиль – на цветной плотной бумаге

рисовать только черной и белой краской. В своих работах пытаюсь передать ощущения от происходящего – от мелкой ссоры до хорошего настроения. Рисую только тогда, когда есть что сказать людям. Часто сюжет повести рождается из сюжета картины. Или наоборот.

Ты училась в Кавказском институте СМИ. На вашем курсе собрались студенты из разных стран, в том числе, имеющих друг с другом конфликты. Можешь ли ты вывести формулу мира и дружественного общения?

– До учебы в Ереване у меня уже был опыт общения с представителями разных национальностей, так как я уже успела побывать в 10 странах. Это были стажировки, различные тренинги, мастер-классы, выставки моих картин, выступления – от вокальных до театральных. Когда я прошла конкурс и стала студентом Кавказского Института СМИ, то прыгала от счастья так, словно получила премию «Оскар». Я так многого была слышана об этом институте.

Армения мне сразу понравилась. Знаете, очень важно, как вас встречают в другой стране. Никогда не забуду, как в аэропорту Звартноц с листком бумаги, на котором значилось мое имя, стоял сотрудник института. Он сказал: «Я читал о красоте чеченских девушек в книгах, но очень рад убедиться в этом воочию. Добро пожаловать в Армению!» И я поняла, что все будет хорошо. Со мной учились очень талантливые ребята. Я восхищалась работой Кнар Бабаян, тем, с какой ответственностью она подходила к раскрытию каждой темы статьи. Мы до сих пор с ней очень близкие подруги. Думаю, нас еще объединило и то, что мы обе видели войну – она в Карабахе, а я в Чечне.

Среди нас были студенты, наделенные не только журналистским талантом. К их числу, несомненно, относится поэтесса Асмик Симонян, которая к тому времени выпустила свой сборник стихотворений и активно публиковалась в различных журналах. (Кстати, мы обе поклонницы рока и тогда побывали на многих концертах группы «Dorians»). Думаю, эту группу ждет большое будущее). А Каринэ Ароян удивила меня своими мультиками, которые создала во время учебы в Санкт-Петербурге и еще она очень интересный художник. О каждом однокурснике могу говорить очень долго. Благодарна всем нашим преподавателям – Александру и Нине Искандарян, Лоранс Риттер, Вардану Ованесяну, Джулии и многим другим. Они научили воспринимать этот мир без стереотипов и навязываемых шаблонов.

Спокойной ночи, Марисабель

Тамерлану было семь лет, когда началась война. Как и все мальчишки в его возрасте, он мечтал поехать в Бразилию, чтобы сфотографироваться с известными футболистами. Тамерлан хотел несколько лет пожить в жаркой стране, а потом на обратном пути совершить хадж в Мекку. Старшая сестра умоляла взять ее с собой, но он был непреклонен. «Понимаешь, это очень серьезная поездка. И ты там будешь лишней», – серьезно отвечал Тамерлан, почти как взрослый. А до семи лет он занимался тем, что изрисовывал все обои в комнатах. Он рисовал войну. Танки, солдат в касках, оружие, взрывы, кровь и патроны. «Пусть бы он только рисовал. Но он всегда озвучивает каждый взрыв», – возмущалась мама.

Когда началась война, у Тамерлана закончились краски. Если сначала он еще как-то пытался выйти из трудного положения, смешивая цвета, например, зеленый он получал путем смешивания синего и желтого, оранжевый – красного и желтого, а коричневый – зеленого и красного, то потом и их вообще не осталось. Закончились карандаши, фломастеры пересохли, и тройной одеколон, который он доливал в стержень, не давал уже цвета. Закончились цветные мелки. Наконец и бумаги не осталось. Для Тамерлана это было катастрофой, он был в отчаянии.

– Тамерлан, магазины закрылись, все, понимаешь? Сейчас война и людям не до этого!

– Но я хочу рисовать, мама. Может, у этих продавцов завалились краски дома, а мы просто не знаем? Может, продавцы скажут, на каком складе они покупали краски, и мы поедем туда? – настаивал он.

– Как ты не можешь понять. Сейчас война. Людям не до твоих рисунков. У людей горе. Твои рисунки их не накормят и не спасут! Забудь! Ясно?!

Но Тамерлан не собирался сдаваться. Он нашел остатки обоев в сарае, пустые коробки из-под конфет в кладовке. Так появилась бумага. Он рисовал ручкой, потом простым карандашом и, когда всего этого не стало, начал рисовать углем. Рисовал при свете керосиновой лампы, которую не могли долго жечь. Нужно было экономить. Керосиновую лампу зажигали строго на два часа. А свечи были редкостью. И быстро заканчивались. Исключением были свечи из гуманитарной помощи Красного Креста, которые могли гореть до десяти дней. На одного человека давали девять таких свечей. Но такую гуманитарку дали только один раз. Наверное, Красный Крест решил, что все люди разъехались и никого не осталось в городе.

Однажды ребята ему рассказали, что они побывали на полуразрушенном заводе «Электроприбор» и там было очень много цветных мелков, бумаги и ручек. Тамерлан, не сказав маме ни слова, пошел на этот завод. Огромный пятиэтажный завод. Все стекла выбиты. Верхние этажи снесены разорвавшимися бомбами.

– На заднем дворе – склад, там есть бумага, ручки и цветные мелки. Побыстрее, а то я слышал, что сюда любят ходить снайперы, – кричал кто-то из мальчишек и принялся открывать какие-то детали от заводских машин. Осторожно протиснувшись в приоткрытые ворота склада, Тамерлан стал быстро заполнять свою авоську. Вдруг сверху на его голову падает камешек. Кажется, его сердце на мгновение перестало биться.

– Кто здесь?! – раздался мужской голос.

Тамерлан осторожно поднял голову и увидел мужчину в камуфляжной форме, зависшего в окне пятого этажа со снайперской винтовкой.

– Что ты тут делаешь? А ну марш домой, пока я твоим родителям не рассказал.

– А я знаю, кто вы. Вы снайпер. Вы хотите убить человека? – спокойно ответил Тамерлан, ему показалось, что он в этот момент очень похож на Мерфи из фильма «Робокоп». Он почувствовал, что он настоящий герой, но его счастье длилось не долго.

– Не шуми, – сказал мужик вполголоса. – Забирай быстро этих ребят и уходите отсюда.

Ребята долго бежали по полю, стараясь не оглядываться. Дома Тамерлану здорово влетело, но он был счастлив. Теперь он мог рисовать!

Запись в личном дневнике Тамерлана: «Привет, Марисабель! Все мои рисунки черно-белые. Только несколько рисунков цветных. Я так хочу рисовать цветные картины, но у меня нет красок, фломастеров, карандашей. Вокруг и так все серо, еще и мои рисунки точно такие же. Как ты думаешь, Марисабель, у меня будут когда-нибудь цветные картины? Помнишь, я тебе рассказывал про мой калейдоскоп? Правда, жалко, что он сломался? Я так бежал в подвал, что не заметил, как калейдоскоп выпал из кармана. На него, оказывается, наступили те, кто бежал позади меня. У нас нет электричества, поэтому нет телевизора. Когда не нужно ходить за дровами и не так сильно бомбят, я любил подниматься на нашу крышу и смотреть через калейдоскоп на небо днем. Знаешь, так красиво было. Марисабель, как ты думаешь, когда у меня появится новый калейдоскоп?»

Во время войны некоторые люди стали страдать психическими расстройствами. И это было очень страшно, когда вполне здоровый человек вдруг становился ненормальным. Их преследовали фобии. Боязнь не только перед военными, но и страх перед обычными людьми, шорохом, шумом. Так произошло и с тетей Тамерлана. Она была высокой, красивой, с длинными каштановыми волосами. Любила носить сумку из крокодиловой кожи, а еще фиолетового цвета блестящее облегающее платье. Она хотела сфотографироваться в этом платье

в центре Грозного. На память. Но все время почему-то откладывала. И теперь это стало ее навязчивой идеей. Она все время порывалась идти в центр Грозного, чтобы сфотографироваться. А это было невозможно, ведь кругом шли боевые действия. Никто не мог ее понять. Потом умерла ее мама от сердечного приступа. Конечно же, это тоже повлияло на ее состояние. Ей вдруг стало казаться, что все хотят ее отравить, убить. Что ее все не любят и ненавидят. Не раз Тамерлан заходил к ней с горячей едой от мамы, но она кричала на него:

– Пошел вон отсюда! Я знаю, что вы все хотите меня отравить. Я не притронусь к еде. Отстаньте от меня все!

Любимой едой тети были манты. Но денег в семье Тамерлана на мясной фарш не было. Отец полмесяца развозил тюки сена по домам. За это давали небольшие деньги. Они накопили необходимую сумму и купили фарш. Мама раздобыла картошку, морковь и лук, и томат для приправы. Наконец они приготовили манты. Родственница видеть не могла отца и мать Тамерлана, она обзывала их сумасшедшими. Поэтому они старались не попадаться ей на глаза, чтобы не раздражать ее. Это было очень унижительно, но они понимали, что тетя больна, им было жаль ее. Наконец мама с папой передали заветную тарелку с мантами и Тамерлан пошел к ней. У тети выпирали кости на ключицах, скулы, костлявые руки от того, что не ела. Она была еще лысой от того, что ей обрили голову. Она была больна. Но лечить себя не давала. Ей казалось, что все хотят ее убить. Поэтому она не ела. В комнате пахло лекарствами.

– Я... я принес твои любимые манты... – осторожно начал Тамерлан.

– Твоя мама приготовила, я же знаю. Не буду есть, вы все хотите отравить меня.

– Это я приготовил, – соврал Тамерлан и неожиданно для себя заплакал, в то же время стараясь придерживать тарелку с мантами, чтобы не уронить.

– Я сказала, чтобы ты унес все. Он приготовил... не приготовил ты. Врешь, как и твои родители!

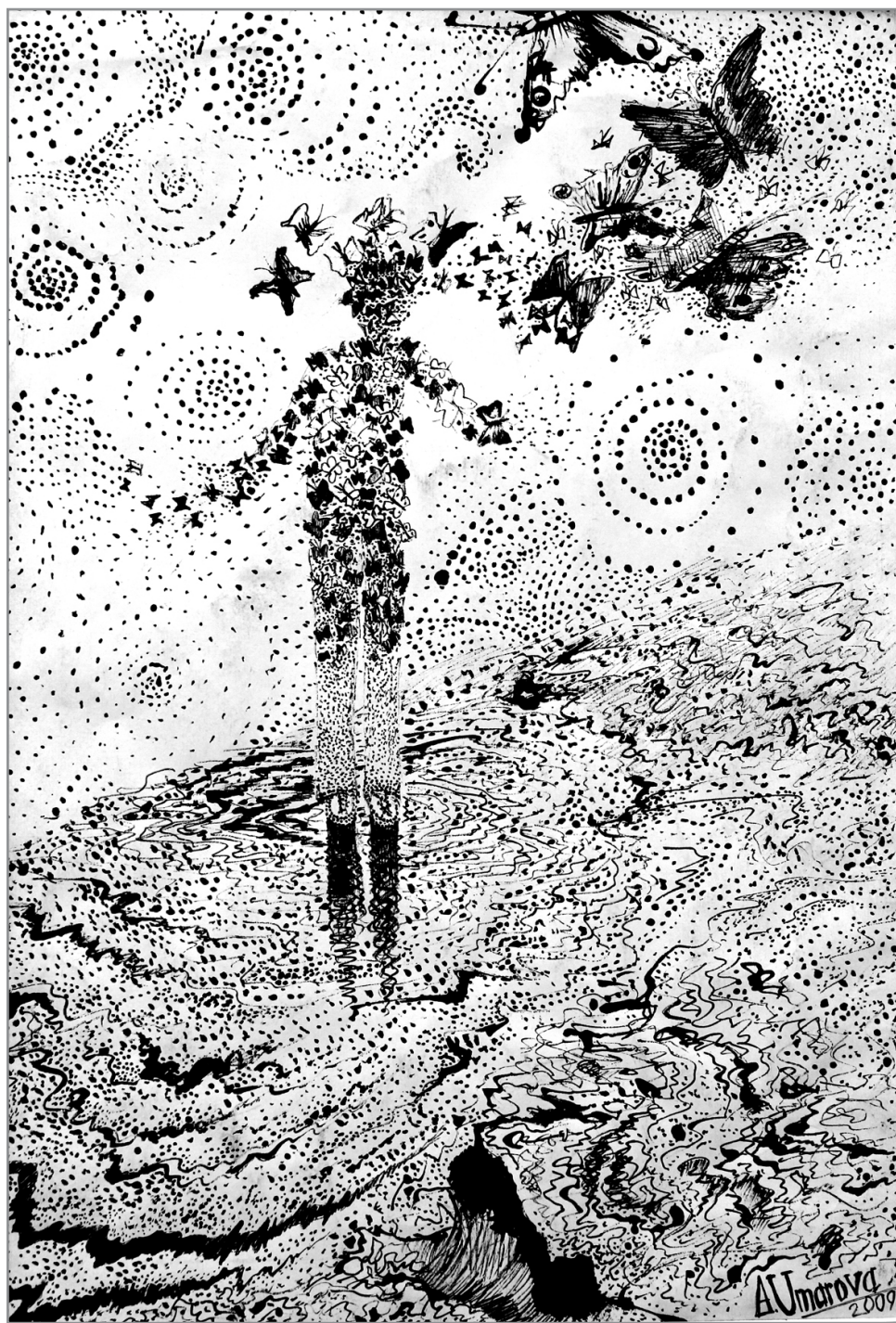
– Поешь, пожалуйста. Ты же любишь их. И папа с мамой тебя любят.

– Иди отсюда! Я же знаю вас, вы специально подсыпали яду, зная, что я люблю манты. Какие вы все жестокие! Ничего, скоро закончится война. И я обязательно сфотографируюсь у “Чеховки”. Я не больна, слышите? Не больна! Просто я похудела, а вы... вы меня все ненавидите и хотите убить!

Тамерлан со всех ног бежал к своему дому. Он долго плакал и не мог прийти в себя, потому что понимал: тетя скоро умрет. Он видел, как переживал отец. Тамерлан старался вспоминать только хорошее о тете. Особенно он любил вспоминать, как они ездили в Ставрополь к дяде. Автобус долго не подъезжал к их остановке. Было пять утра. Все спали. А они стояли у дороги, и ему было очень холодно. Тетя смеялась, и они оба закутались в ее большой свитер. И почему-то Тамерлан тоже смеялся как ненормальный. Они старались друг друга пересмеять. Он вспоминал это даже тогда, когда привезли ее мертвое тело в их дом.

“Привет, Марисабель! Я долго тебе не писал. Ты, наверное, сама поняла. Да... тетя умерла. Знаешь, я боюсь теперь ночью проходить возле дома, где она жила. Она мне снится по ночам. В основном это страшные сны. Как ты думаешь, Марисабель, если бы не было войны, она бы осталась жива? Мне ее так не хватает. Спокойной ночи, Марисабель”.

20 сентября. В семье составляют заветный список школьных вещей, которые необходимо купить для Тамерлана. Дело в том, что Тамерлан почти целый месяц не ходил на занятия, у него вообще не осталось вещей, в которых он бы мог ходить в школу. У него были две пары брюк. Одни джинсовые, которые он носил четыре года и они стали ветхими от частой стирки и сейчас больше походили на шорты, чем на брюки. А молнию невозможно было затянуть, так как джинсы стали маловаты. Были еще летние брюки, которые также превратились в шорты. Спортивная обувь уже несколько раз

рвалась, и ее невозможно было починить. К тому же осень на дворе. Нужна сразу зимняя обувь, потому что осенняя – уже большая роскошь. Последний раз ему купили зимние сапожки на деньги, собранные от продажи сыра два года назад. Мама четыре месяца продавала сыр, чтобы собрать заветную сумму на зимние сапожки. Товар привозили из Ингушетии. Не было и школьного ранца. Тамерлан сам связал себе сумку из шерстяных ниток и два года носил ее, несмотря на то, что над ним глумилась вся школа. Шерстяные нитки были разных цветов.

Родители Тамерлана работали учителями. Они принимали участие в разных митингах и акциях протеста и публично требовали отдать заслуженную заработную плату. Но вместо зарплаты они получали выговоры от начальства за активную жизненную позицию. Однажды мама Тамерлана дала интервью корреспонденту НТВ и ее показали по местному телевидению. Мама заявила: “При рабовладельческом строе рабам давали хоть похлебку один раз в день. А мы даже этого не имеем!” Тамерлан тогда не понимал, что вообще имела в виду мама. Но он был горд тем, что ее показали по телевидению и его мама теперь известна.

На семейном совете было решено продать бычка, не будет же сын учителей ходить в школу, как босяк. И вот заветная сумма на руках! В буржуйке приятно потрескивают дрова.

– Мама, а ты купишь мне гуашь? А ватман купишь?

– Я же сказала, только все необходимое, – строго ответила мама. – Нужно сделать запас продуктов, неизвестно как еще все обернется.

– Мама, ну если останутся деньги, ты же купишь?

– Мы купим тебе две пары теплых брюк, – мама сделала вид, что ничего не расслышала. – Обязательно водолазку, свитер, куртку, зимнюю обувь, осень уже заканчивается. Шапку...

– “Найк”, мама, как у Хасана. “Найк”, хорошо?

– Ты дашь мне договорить? Так... Книжки, тетради, ручки...

Тамерлан долго не мог заснуть. Он уже представлял, как идет в школу в новой одежде со всеми книгами и школьными принадлежностями. Как давно он ждал этого момента! Но на следующий день случилось страшное: на рынок запустили ракеты “земля–воздух”. Погибло много людей. В городе началась паника. Родители не могли прийти в себя, особенно мама: “Как это допустили? Это же базар, там не было никаких боевиков! Там были все мирные граждане, это невозможно понять! За что нам такое?” Папа угрюмо молчал.

– Ну почему? Почему именно сегодня? – эгоистично возмущался Тамерлан.

– Как тебе не стыдно! – закричала мама. – Там погибли дети, чьи-то родители. Если бы мы поехали туда с утра, нас тоже не было бы в живых. А ты думаешь только о себе!

– А в чем я буду в школу ходить?

– Не будет школы. Наверное, скоро опять будет война.

Но Тамерлан не хотел ничего слушать. Он думал только о том, что ему не купили обновок. Родители обещали повезти на рынок и обманули. Вот что было главным.

– Это вы, взрослые, во всем виноваты! Это вы начинаете войну. Вы убиваете людей, вам всегда хочется убивать друг друга... – с этими словами он стал рвать фотографии известных актеров, срывая их со стены в своей комнате. Брюс Ли, Арнольд Шварценеггер, Сильвестр Сталлоне, Ван Дамм и другие лежали на полу. Тамерлан плакал, как маленькое дитя, у которого отняли любимую игрушку.

23 сентября школу закрыли. Это был ужасный день. Прямо во время уроков налетели самолеты и стали бомбить. Директор школы и учителя выводили детей из школы и отправляли домой. К школе уже бежали некоторые родители, со слезами хватали детей и бежали обратно.

“Привет, Марисабель! Мне не купят новых вещей. Только, пожалуйста, не спрашивай почему... Скоро начнется еще одна война. Знаешь, после первой войны я только один раз успел побывать в городском парке и поесть мороженого с родителями. А из нашего класса дети каждый месяц туда ходили. Марисабель, я так устал от всего этого. Я так давно не кушал шоколада и не жевал жевательной резинки. Большинство моих друзей уже уехали беженцами в соседние республики, но папа с мамой решили не уезжать никуда. “У нас нет денег, а попрошайничать я не собираюсь”, – заявил отец. А я бы хотел уехать, мне страшно здесь оставаться, но я не могу это сказать, боюсь, что меня назовут трусом.

Спокойной ночи, Марисабель!”

1994 год. 28 ноября. Тамерлан идет к другу Алеше. Дело в том, что его мама и бабушка не пришли посмотреть сериал “Просто Мария”, как бывало обычно. Перед началом фильма мама жарила на сковороде семечки, а тетя заранее срывала виноград. И они, уютно устроившись под навесом, внимательно смотрели, чем же закончится очередная серия. И вот Алеша не пришел вечером, чтобы покататься на велосипеде. Тамерлан боялся, что он тоже может уехать в любое время, тогда не останется никого, кто будет с ним играть. Но слова, сказанные Алешиной мамой, привели его в полное отчаяние.

– Алеша собирает вещи в своей комнате. Мы завтра с утра уезжаем. Военные действия приближаются.

Нет, в это невозможно поверить. В комнате Алеши повсюду валяются вещи. Он быстро собирает чемодан, закидывая туда нужное и ненужное.

– Алеша, почему ты не пришел покататься на велосипеде?

– Потому что мама не разрешила. Мы уезжаем. Можешь оставить велосипед себе. Я не смогу его увезти.

Тамерлан молчит.

– А ты когда уедешь? – спросил Алеша.

– Мы не уедем. Нам не к кому ехать. А ты к кому едешь?

– У меня отец там живет. Мы продали наш дом вчера. Теперь здесь будет жить другая семья.

– А разве... – но Тамерлан ничего не сказал, хотя ему очень хотелось спросить, почему до сих пор ему не приходилось видеть его отца. – Нет, ничего. Приезжай, когда закончится война, обещаешь?

– Ну, мы не знаем, когда закончится война. Может, она вообще не закончится. Все зависит от обстоятельств. Так мама сказала.

Тамерлан медленно шел по улице к своему дому. Рядом скрипел теперь уже его велик. Нужно смазать маслом. А вообще, зачем ему велик, если нет Алеши? Ведь у них столько много общего было! Игр, споров, наклеек, копилки, коллекций марок, гуляний допоздна, тайн... А сейчас? Всего этого не стало. И вряд ли Алеша приедет, ведь его мама сказала, что война не скоро закончится. Почему так происходит в его жизни? Ведь это несправедливо! У него не было близких друзей, кроме Алеши. И вот война отнимает и его. Через два дня уехали две русские учительницы, которые жили на их улице. Постепенно село пустело, становилось тоскливо и страшно от мыслей о будущем. А что будет с ними, когда придут федералы? Странно, но чеченских боевиков Тамерлан еще не видел. “Кто они? И зачем нужна эта война? Кому?” – он так и не мог найти ответы на свои вопросы.

“Марисабель... Когда уехал Алеша, мне казалось, что я больше не смогу жить. Мы были такими близкими друзьями. Когда я проходил мимо их двора, то вспоминал, как мы играли, спорили, секретничали. Марисабель, прошло уже шесть лет, как уехал Алеша. И я точно знаю, что он не вернется. Ведь они продали свой дом. Марисабель, спасибо за то, что ты есть. Ведь я сейчас стал намного старше и мне нельзя жаловаться. Но у меня есть ты, с которой я могу поговорить по душам, и никто не сможет мне сказать, что я жалуюсь, как девочка. Пожалуйста, береги себя”.

Продолжение на стр. 6

* * *

Тамерлан всегда мечтал совершить подвиг, чтобы о нем узнали все и чтобы мальчишки восхищались им. Например, Султан проник в окоп к федералам и принес оттуда военный ранец. Он гордо ходил с этим ранцем, и мальчишки говорили, что он самый смелый. Еще они слышали массу историй про чеченских боевиков. Например, иностранные журналисты за 1500 долларов попросили одного из них сделать двойное сальто, закинуть лимонку в танк и сделать двойное сальто обратно. И танк взрывается. Знаете для чего? Ни за что не догадаетесь! Чтобы сделать хорошие кадры. Ради красивых кадров они были готовы на все. Они видели, как военный это сделал. Но в этот момент не успели заснять. Еще они любили снимать, как рушатся многоэтажные здания. Они говорили: “Вау!” Говорили “Вау!” тем многоэтажным зданиям, где раньше жили люди. А может, в этом здании еще оставались люди? Может быть, военные оставались... неважно, с чеченской стороны или с российской. Может, там осталась чья-то любимая книга, мячик, кукла или запасы продуктов. Может быть, люди сидели за столом и обедали, а может, кто-то писал великую повесть или роман, кто-то собирал картины на выставку... Но сейчас это все не так важно. Это просто “ВАУ!”. Еще все обсуждали, как один оператор после бомбежки снимал плачущего мальчика около трупов и раненых. Увидев журналиста, мальчик с криком побежал к нему:

— Дяденька, помогите! Дяденька, подождите.

А тот как будто ничего не слышал. Он включил камеру и снимал, снимал...

Тамерлану пришла в голову идея: посередине дороги, где проезжала колонна танков с российскими федералами с Терского хребта, слепить снеговика. Его поддержали ребята с улицы, они дружно слепили большого снеговика, даже приделали груди. Едва закончили, как показала колонна, детвора еле успела спрятаться за забором. Колонна подъехала к снеговика и остановилась.

— Сань, а ну иди, проверь, что за... что за чуело впереди стоит! — кричал один.

— А если это взорвется?

— Отставить. Проверил, быстро!

— Снеговик это.

— Сань, глянь... да снеговик-то у нас грудастый, — и все стали громко смеяться.

Солдат несколько раз осторожно дулом автомата ткнул в снеговика, тот развалился. В этот момент дети побежали от забора с криками: “Аллах акбар! Аллах акбар!” Военные направили дула автоматов в их сторону. Но, слава Аллаху, стрелять не стали.

По снеговика проехала длинная колонна танков, и его не стало.

Об этой истории узнали родители, и конечно же всем крепко влетело, особенно Тамерлану, как зачинщику.

У двоюродных братьев Тамерлана сохранилась видеозапись, как они в 1997 году играли в снежки во дворе их дома. Они попросили отца включить мотор, так как электричества не было. Для детей это был большой праздник. На записи они такие счастливые и беззаботные! Как по мановению волшебной палочки исчезла война, и они превратились в настоящих детей: кидали друг в друга снежки, лепили снеговика, прорыли туннели через высокие сугробы, катались по льду. Громко кричали, смеялись, что было в последнее время им не свойственно. Несколько раз выходила тетя и говорила, что не нужно так громко смеяться. У людей горе: у кого-то родные погибли, у кого-то пропали. Не принято было в то тревожное время демонстрировать свое хорошее настроение, одеваться в яркую или блестящую одежду. Не принято было краситься девушкам или праздновать дни рождения. Конечно, все это присутствовало, но общественность осуждала таких людей, их считали безнравственными.

“Как ты, Марисабель? Я все время рассказываю о себе. И ни разу не поинтересовался, как ты? Давай отвлечемся от войны и полетим высоко в небо, к звездам. Знаешь, я тебе никогда не говорил, но я умею летать. Не веришь? Но это правда. Мы полетим с тобой в Бразилию. Мне не потребуется виза, билет на самолет, бронь в гостинице, потому что я волшебник. А сейчас я пишу тебе из самого Рио-де Жа-

нейро. Правда. Сегодня я сфотографировался со всеми футболистами. Они даже позвали с собой пообедать... Не веришь? И правильно делаешь, но пометать-то я могу?

Спокойной ночи, Марисабель”.

* * *

Две бабушки Тамерлана в 1944 году были депортированы вместе с другими чеченцами и ингушами в Казахстан. После возвращения из ссылки они мечтали побывать в родовом селении, откуда их депортировали. Обе рассказывали очень много историй об этом высокогорном селе в Шаройском районе, где прошло их детство. Бабушке Хаде было всего двадцать лет тогда. Она была замужем, и брат ее мужа воевал на фронте. Воевал за Советский Союз. В селе было много мужчин, воевавших на фронтах Великой Отечественной. Но после победы над Германией их как врагов народа отправили в ссылку, вслед за своими земляками. Десятки лет они искали своих родственников, некоторых не застали в живых.

Селение, где жила бабушка Хада, называлось Райна. Это место и вправду было похоже на рай. Она рассказывала, как ходили собирать ягоды, ловить рыбу, учились в школе. Хотя школа находилась далеко, в нескольких километрах от их дома. Дети обязаны были посещать школу, иначе с семьи взимался денежный штраф.

Бабушка Хада умоляла отца Тамерлана повезти ее в это селение. Она тяжело заболела и считала, что, если вернется в свое родовое село, где прошла ее юность, то обязательно поправится. Ее ноги были отеками, и она не могла долго ходить. Одышка, больное сердце и повышенная восприимчивость ко всему, что происходит вокруг. Отец Тамерлана решил осуществить мечту матери чего бы ему это ни стоило. Сначала он сам поехал туда. Затем повез строителей и ближайших родственников. Они быстро сколотили небольшую хижину. Здоровье бабушки ухудшалось.

Вместо кровати соорудили деревянные нары, а полки сделали из досок. И вот в 1994 году, спустя ровно пятьдесят лет, бабушка побывала в родном селении. От села Шарой до заветного места не было дороги, была только пешеходная тропа, и ей пришлось идти пешком. Отец Тамерлана иногда нес ее на спине, так как она не могла идти. В селе Райна бабушка только и делала что плакала. Она обходила руины стен, где раньше располагался их дом, трогала камни. Показывала место, где их собрали. Это был страшный день: горели дома, кричали дети, мычал скот, выли собаки. Люди не понимали русского языка и не понимали, чего от них хотят военные. К сожалению, бабушке не помог родной воздух, через неделю ее пришлось привезти обратно домой, в Грозный. Через четыре месяца у бабушки остановилось сердце.

Другая бабушка Тамерлана, Селимат, жива. Ей сейчас восемьдесят семь лет. Она слепа. Передвигаться ей очень трудно. Отец Селимат был председателем колхоза села Кесалой, куда входило и Райна. Селимат была на два года старше Хады. Она тоже не может без слез вспоминать то время, когда разлучали родителей и детей, жен и мужей. Потом, в Казахстане, они многие годы искали друг друга. До места выселения они ехали в вагонах восемнадцать дней. По дороге люди умирали — кто от голода, кто от холода. Некоторые старики отдавали свою еду детям, считая, что они и так пожилы, пусть хотя бы дети останутся в живых. Умерших выкидывали на остановках, поэтому несколько дней люди в вагоне скрывали от военных, что у них есть мертвые. Нужду приходилось справлять в этом же вагоне, просверлив дырку в полу. Так и ехали: деревянный вагон для скота, весь в щелях, а за вагоном — лютая зима. И примерно человек сорок женщин, мужчин, детей, стариков. Не каждый из них подходил к этой дырке, чтобы справить нужду, поэтому многие девушки и женщины умирали от того, что лопались мочевые пузыри.

И еще в этих вагонах рождались дети,

было много беременных женщин. На местах поселения их встретили враждебно. Бабушка Селимат рассказывала, почему это так произошло. Оказывается, местным казахам сказали, что везут предателей родины, что это дикари, почти людоеды, и поэтому с ними нельзя общаться. Переселенцы были грязные, голодные и больные. Не было сменной одежды, средств гигиены, чтобы помыться, еды на первое время. Их расселили по сараям и баракам. “В первое время было очень трудно, — рассказывала бабушка. — Мы голодали. Приходилось и воровать, чтобы выжить. Но потом, когда казахи увидели, что мы мусульмане, как и они, что и молимся одинаково, отношение к нам переменялось”. Вскоре им дали по корове на семью.

О том, что ее отец жив, она узнала три года спустя. Вот как рассказывала об этом бабушка Тамерлану: “Меня не оставляла мысль о родителях. Ведь после того, как нас посадили в эти ужасные вагоны, я их больше не видела. И вот через три года моей жизни в Казахстане узнаю, что мои родители находятся в двухстах пятидесяти километрах от нашего села Каспан, совхоза «Ленинский», где нас разместили. Мне передали записку. После того как немного устроились на чужбине, мы начали передавать записки друг другу, чтобы все знали, кто и где находится. Я не находила себе места от счастья. Но просто так поехать туда я не могла, нам не разрешали выходить из села без разрешения коменданта. Я стала упрашивать начальство разрешить мне поехать туда, но они смотрели на меня, как на ненормальную. Ответ был один: «Поездки к родственникам не разрешены!». Я не знала, что делать. Начала ходить во дворы к казахам и просить любую работу. Было все равно, что за работу они мне предоставят, главное накопить денег, чтобы увидеть папу и маму. Так прошел год. Денег было достаточно, и начальство к тому времени более или менее смягчилось. Было страшно ехать одной, но желание увидеть родителей — сильнее. Невозможно описать то, что я испытала, увидев родителей. Мы пробыли вместе одну неделю, надо было возвращаться. Их комендант оказался добрее нашего и разрешил моему отцу проводить меня до нашего селения. Ехали в санях, это была самая счастливая поездка в моей жизни. Дорога была долгой, было очень холодно, морозно, но я этого не замечала. Главное — мы встретились, родители и братья — все живы, чего еще мне нужно? После этого мы все виделись чаще, но всегда об этом нужно было уведомлять начальство, то есть коменданта”. Он все записывает: это домашнее задание, которое дали в школе. Тема сочинения: “Депортация в рассказах очевидцев”.

“Марисабель, мне так стыдно. Нас в школе попросили написать сочинение на тему выселения чеченцев по воспоминаниям наших бабушек и дедушек. Я не знал всего этого. Им столько всего пришлось пережить! Почему они никогда не рассказывали про выселение? Это ведь так тяжело все в себе держать. Когда бабушка рассказывала, то слезы так и лились у нее из глаз. Интересно, когда я стану таким старым, я тоже никогда не буду говорить о том, что пережил? Останусь ли я таким добрым, как они?”

Спокойной ночи, Марисабель!”

* * *

Тамерлан с детства страдал бронхиальной астмой. У него была аллергия на фрукты и овощи красного цвета, на пыль, на мучные изделия, на перо и пух птицы, на шерсть. Его спасал только специальный лекарственный аэрозоль. Тамерлан назвал ее “пшикалкой”. После применения лекарственной “пшикалки” приступы одышки проходили. Родители пытались вылечить Тамерлана. Водили по больницам. Но врачи говорили, что они бессильны, что болезнь может пройти с возрастом. Советовали два раза в год ездить на море.

— Он задыхается, аэрозоль закончился, — в доме паника. Тамерлан мечется на полу, громко дышит. Все его тело стало красным, а футболка мокрая от пота.

— Тамерлан, пожалуйста, все будет хорошо! — плачет над ним мама. Отец пытается взять его на руки, но Тамерлан не отпускает мать.

– Мама, помоги мне! – хрипит он, вены на его шее вздулись. Казалось, вот еще чуть-чуть и он задохнется. Сестра плачет, она знает, что аптеки не работают и купить лекарство невозможно.

Вдруг мама резко вскакивает: “Лед! Быстрее принесите лед!”. Отец бежит во двор и приносит сосульку. Мама крошит ее на мелкие кусочки: “Глотай, глотай быстрее!” Этот рецепт из народной медицины спас Тамерлана. Он потихоньку пришел в себя. Мама знала еще много способов лечения. Когда все бежали в подвал, она с сыном оставалась дома, потому что ему нельзя было долго находиться в сырости. Они укрывались пледом и просто лежали на полу в доме, крепко обнявшись, пока не пройдет обстрел или бомбежка. И мама при этом пыталась рассказывать что-нибудь смешное, чтобы отвлечь его от взрывов.

“Марисабель, ты здесь? Вчера мне было очень плохо, закончилась «пшикалка». Я держусь, как могу. Но мне трудно, очень трудно. Мне страшно, я не хочу умереть от приступа удушья. Хоть бы скорей закончилась война и заработали больницы”.

Тамерлан перечитал все детские книги из домашней библиотеки. И ему очень хотелось читать. Тогда он вспомнил о сельской библиотеке. Ведь там было полно книг! Он подождал, пока мама пойдет за водой к соседям, и побегал туда. Дверь библиотеки была раскрыта настежь и висела на одной петле. Повсюду валялись книги. Стены в следах от пуль. Стеллажи лежали на полу. Стекла окон были выбиты. Осколки валялись повсюду. Ему было страшно заходить, потому что он был наслышан, что иногда заброшенные здания минируют. Но желание читать было сильнее, и Тамерлан осторожно ступил на порог библиотеки. Он поставил на место маленькую вазочку и подошел к шкафу, где лежали книжки для самых маленьких. Но как только он притронулся к книжкам, полка с грохотом упала. Тамерлан испугался и, схватив первую попавшуюся книжку, побегал домой.

Маме он ничего не рассказал об этом. Он просто поудобнее устроился в кресле и стал читать книжку. Он не знал еще, что это были реальные записи на самом деле существовавшей девочки. Это был “Дневник Анны Франк”. Девочка описывала все пережитое в убежище, где они с семьей скрывались от нацистов, потому что они были евреями. Они жили на чердаке, куда вход закрывала книжная полка. И семья Анны Франк не выходила никогда на улицу. В первой части дневника Анна описывает свое беззаботное детство, школьники, забавные происшествия. Потом уже чувствуется тревога, что скоро произойдет что-то плохое. Переезд в Голландию и жизнь в убежище. Многие фразы тронули Тамерлана. Одна из них: “Пока я могу видеть это – безоблачное небо и солнечный свет – я не смею грустить”. И еще: “Если тебе грустно и одиноко, поднимись в хорошую погоду на мансарду и посмотри в окно: на дома, крыши, небо. Пока ты можешь спокойно смотреть на небо и пока душа у тебя чиста, счастье возможно”.

После прочтения книжки Тамерлан стал интересоваться у родителей, что стало с этой девочкой, которая вела этот дневник. Оказывается, их семью предали и сдали военным и, как всех евреев, их отправили в концлагерь. Анна скончалась через год. А отец выглял, нашел дневник дочери и опубликовал его. Эта история настолько потрясла Тамерлана, что он тоже решил вести личный дневник. Только он свой дневник адресовал Марисабель, потому что ему очень нравилось это имя. Ему хотелось подражать Анне, и, так же как она, Тамерлан описывал настоящую жизнь. Дефицит продуктов, изношенная одежда, зачистки федералов, военные истории об их селе, про друзей, свои мысли.

– Папа, если со мной что-то случится... Пожалуйста, постарайся издать мой дневник, – серьезно сказал он однажды вечером изумленному отцу.

Перечитав пару страниц, отец удивленно посмотрел на сына.

– Неужели ты не понимаешь, что с

нами будет, если твой дневник попадет в руки федералов?

– Ты хочешь, чтобы отца забрали, а наш дом сожгли? – вступила в разговор мама. – Сынок, это очень опасно, понимаешь? Нельзя это писать. Как ты не можешь понять.

– Но Анна Франк писала об этом.

– Я же тебе рассказывал, что с ней произошло. Нельзя. Пиши лучше о том, каким красивым будет наш Грозный, когда закончится война. Пиши, что ты пошел в школу в новой одежде, с новым ранцем, с букетом пионов. Пиши...

– Но это неправда. Я хочу быть, как Анна.

“Привет, Марисабель. Я так счастлив, что ты есть у меня. Ты единственный человек после Алеши, которому я рассказываю все-все. Это так здорово иметь подругу. У тебя такое красивое имя. Пожалуйста, поддерживай меня всегда. Мне очень нужны дружба и поддержка”.

Отец Тамерлана во время войны хоронил людей. Странно было видеть, как стал одеваться папа. Вместо обычного хорошо отутюженного костюма на нем теперь висели спортивные брюки, “олимпийка”, а сверху большая дулая куртка. Вместо ботинок – развалившиеся спортивные кеды. Эта обувь досталась ему от чеченского боевика, папе, наверное, стало жаль военного, и он отдал ему свои новые зимние сапоги, свитер, куртку. А сам теперь ходил в этих обносках. После окончания боевых действий МЧС и Красный Крест очищали город от трупов, а папа и другие жители хоронили их на местном кладбище. Тамерлана туда не пускали, но он знал, что некоторые трупы привозят без рук или ног, или без головы, а некоторых обгрызли собаки. Они почти все без документов, папа их фотографирует или записывает особые приметы, или одежду. Это нужно для родственников, которые будут их потом искать. Вместо необходимой надгробной каменной плиты – чурга, – они ставят дощечку с номером. После кладбища отец приходит уставший и хмурый, уходит в свою комнату и не разговаривает ни с кем. Мама просит детей не шуметь, а сама, выполняя работы по дому, молча плачет. Тамерлан понимал тогда, что его отцу тяжело видеть трупы, разорванные на части. Однажды он нарушил запрет отца и пришел на захоронение. То, что он увидел, повергло его в шок. С громким криком он побегал от кладбища, отец еле догнал его. Но успокоить Тамерлана было невозможно, у него началась истерика. “Уведите меня отсюда! Я тоже хочу в Ингушетию! Я не хочу видеть войны!” – кричал он.

И Тамерлан стал сбегать из дома. Он ничем не объяснял свое поведение. Его находили в разных местах. Родители понимали, что ему и без их наказания тяжело.

– Ну почему, скажи? Ну почему ты убегаешь? Объясни нам наконец.

– Я не знаю, – только и мог выговорить Тамерлан.

– Может, мы тебя чем-то обидели? Скажи, что тебя не устраивает?

После долгого молчания Тамерлан поднял глаза на маму:

– Война меня не устраивает, война! Я хочу одеваться так, как я хочу. Хочу кушать фрукты, сладости, рыбу. Хочу заниматься спортом, рисовать, танцевать. Хочу гулять допоздна, играть. Я не хочу бояться военных, не хочу прятаться в подвалах. Мне надоело все, понимаете? Я устал от этой войны! – кричал он.

– Война скоро закончится, – только и смогли сказать родители.

– Когда она закончится? Скажите точное число, месяц, год!

– Мы должны быть сильными. Ты же мужчина.

– Я устал быть сильным, понимаете, устал! Лучше бы меня убили. Ну почему этот снаряд не попадет в меня чтобы меня не стало? Почему пуля не попадает в меня? Почему гибнут люди, а я почему-то не умираю?

– Не говори так. Все в руках Аллаха! Что изменится, если ты будешь продолжать убежать из дома?

– Ничего! Ничего не изменится. Как и не изменится, если не стану убежать из дома. Я так устал от всего!

“Марисабель... Пожалуйста, заведи меня отсюда. Сделай это тогда, когда я буду крепко спать. Я так устал. Война – это очень и очень плохо. Успокой мою душу и перенеси меня в царство добра и мира. Пусть там будет много разноцветных красок, как в моем старом калейдоскопе. Мне хочется насытиться разноцветной жизнью”.

Что такое “зачистки”? Это когда военные проходят по дворам и ищут боевиков или оружие, это формальная версия. А неформальная – военные “зачищают” все, что плохо лежит у населения. Во время обысков случались курьезы. Так во время одной зачистки всем мужчинам федералы задавали один и тот же вопрос:

– Воевал? За кого воевал?

Этот вопрос они задали Ахмеду, соседу Тамерлана, который был известен тем, что никогда не врал. Тамерлан замер, услышав вопрос, который тому задали, ведь он не сможет соврать.

– Воевал? – спросил российский военный.

– Да, воевал, – спокойно ответил Ахмед.

– За кого воевал? За Дудаева или за Ельцина?

– Я воевал за Дудаева.

– Ну, тогда пошли с нами.

Сестра Ахмеда стала громко причитать.

– Пожалуйста, отпустите его. Вы знаете, он врет, он вообще на голову тронутый.

– Женщина, отойдите.

И его, как и других задержанных, повели на совхозный ток. Туда же сбежались плачущие женщины и дети.

Через два часа Ахмеда и остальных мужчин отпустили. Они шли избитые, но счастливые, что их отпустили. А могли расстрелять или увезти с собой. И только Ахмед не был побитым. Все с удивлением стали спрашивать, почему его не били. Оказывается, кто-то из военных, главный, попросил не бить Ахмеда, он сказал: “Хоть один в деревне смелый нашелся!”

Конечно, после такого случая всем захотелось стать такими же смелыми. Один парень во время обысков закрылся в своем доме, и российские военные кричали, чтобы он открыл дверь, иначе они закинут лимонку. На что парень закричал: “Хоть папа римский придет, не открою!” И военные закинули лимонку. Он остался жив, только лицо сильно пострадало. У него до сих пор шрамы на лице.

Однажды военные пришли на очередную зачистку села. И так получилось, что они проверили только одну улицу, где жил Тамерлан. Дедушка его любил поболтать, неважно с кем. Он на костылях подошел к одному солдату и начал на ломаном русском:

– Пенсий нэт. Пособий нэт...

– Все есть дедушка, все вам высылали. Это ваша власть оружие закупила на это.

После окончания обысков военные покинули село. На этот раз попались “хорошие” военные, они унесли с собой только видеокассеты и пять банок черешневого компота. Родители Тамерлана вздохнули с облегчением. Через полчаса к ним пришел дядя с другой улицы.

– Это правда, что военные на вашей улице провели обыски?

– Да, полчаса назад ушли.

– Странно.

– Почему?

– А почему они на нашу улицу не пришли? – разочарованно произнес дядя.

– Наверное, времени не было у них.

– И все-таки, почему они на нашу улицу не пришли? – еще больше погрузился дядя. Он продолжал об этом говорить снова и снова. И в конце концов вывел из себя отца Тамерлана.

– В следующий раз, если они вдруг придут ко мне, я их очень сильно попрошу, чтобы они навестили именно твой дом. Я скажу, что ты был сильно огорчен тем, что они не навестили тебя, ладно?

Все присутствующие дружно зашмеялись.

После окончания первой войны улицы стали переименовывать в честь тех чеченских военных, которые погибли на войне. Появились новые праздники в школах, где Тамерлан и другие дети по-

свящали свои стихотворения героям. В такие праздники обычно устраивались народные гулянья, жертвоприношения, накрывали столы и раздавали семьям погибших продукты. Начали переименовывать села.

“Привет, Марисабель! Знаешь, во время обысков военный громко закричал: «Есть в доме мужчины?» Мама ответила: «Вот мой муж и сын». Я впервые был рад, что я такой маленький и что ростом не вышел. Это так страшно, когда на тебя смотрит дуло автомата”.

Их пригородный поселок располагался недалеко от лесополосы. И когда отключили газ, люди начали рубить деревья именно в этой лесополосе. И лесополоса исчезла бы, если в центральной мечети старейшины официально не сделали заявление – не вырубать деревья вблизи села. Они предложили вырубать старые сады, все равно их надо убирать после войны. Рядом с домом Тамерлана росла красивая акация, это было любимое дерево тети. И вдруг такая картина: Ислам, их сосед, выходит в тапочках и вальжной походкой направляется к этому дереву. В одной руке топор, в другой сигарета. Тамерлан быстро побегал к тете. Та как раз месила тесто.

– Что? Где он?! – крикнула она.

С ее рук падали кусочки теста, но она не замечала этого.

Когда Ислам увидел приближающуюся соседку, он стал быстро слезать с дерева.

– Как тебе не стыдно! Далеко идти, видите ли, ему лень! А ну, слезай быстрее оттуда!

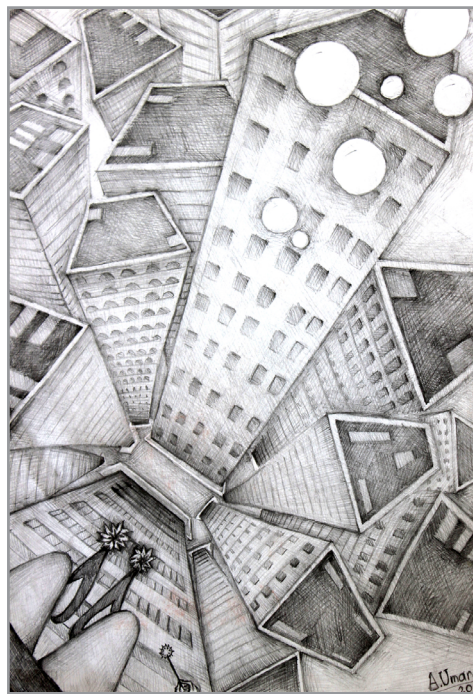
– Да я слезаю, не кричи.

– Хочу – буду кричать, а хочу – не буду. У нас был уговор не вырубать деревья? – Ислам чуть не упал с дерева. – Нука, быстро надел тапочки и пошел отсюда! Только посмей мое любимое дерево срубить, лично со мной будешь иметь дело.

Все деревья в лесополосе были с метками. Люди срезали кусочки коры и на голой древесине писали буквы или какие-то знаки, это означало, что дерево нельзя трогать, оно уже занято. Вначале все смеялись над этим, но потом привыкли. Акация очень медленно горела, и все старались нарубить дрова именно из нее. А вот другие деревья горели очень быстро. Печку нужно было всегда контролировать, чтобы огонь не потух. Спички были дефицитом, их берегли и расходовали экономно. В доме быстро становилось холодно, когда затухала печка. Поэтому семья посменно дежурила около нее. В домах стены и все вещи были покрыты копотью. Приходилось постоянно все чистить.

“Привет, Марисабель. Как ты думаешь, если война будет длиться долго, то наша лесополоса закончится? И деревья исчезнут? Каждый день мы рубим деревья, чтобы было дома тепло и чтобы приготовить еду. А если не останется деревьев, то мы погибнем от холода и голода?”

Спокойной ночи, Марисабель...

Роман Рубанов

Родился в 1982г. в Курской области. Окончил Рыльское педагогическое училище и Курский государственный университет. Работает руководителем литературно-драматургической части в Театре юного зрителя «Ровесник». Пишет пьесы, рассказы, стихи. Печатался в журналах «Лампа и дымоход», «День и ночь», «Нева» и др. Лауреат ряда литературных конкурсов, неоднократный участник Форума в Липках.

* * *

Курю чужие, а убьют свои...
В каком-нибудь бою под Аустерлицем
Пластмассовый солдатик задымится
И для него закончатся бои,

В игрушечном мирке, под потолком,
Где ничего давным-давно не страшно,
Закусывая пряником вчерашним
Соседский суррогатный самогон

С ранением в пластмассовой груди,
Письмо царапая на мятой пачке
И размножая кляксы детским плачем,
Не видя света где-то впереди...

Но кто-то молча тронет за плечо
И выплывет магическое «если»,
И голос скажет: «Не реви, воскресни,
Бой не проигран, поживи ещё».

Страшная сказка

Головой дракона пугал богатырь село:
На крыльцо её втащит,
бывало, — соседи в крик,
Бабы крестятся, падают,
всяк разбивает лоб:
Дескать, вот, прилетел,
никакого житья от них!

Богатырь смеётся:
«Невежи — чего с них взять?
Поделом вам, трусы,
потёмные молчуны!»
А потом грустит:
«Вот была б иноверцев рать —
Одолел бы, поди...»
Да нет никакой войны.

Что-то есть такое, но это не та война,
Где мечом секи, чтоб ложилась
башка к башке,
Так шалит порою продвинутая шпана,
Охмуряет народец, ползающий
на брюшке.

То чего-то покажет страшное,
хоть беги,
То чего-то выдаст: хоть хохочи,
хоть плач...
Озоруют ребята, какие из них враги?
Только вынешь меч, а тебе намекают:
«Спрячь».

Вот и пьёт богатырь на пару
с мёртвой башкой,
Что служила дракону
лет пятьдесят назад.
Голова с душком и народец
кругом с душком,
Да со всех кустов спецслужбы
вовсю глядят,

Чтоб чего не выкинул
этот опасный фрукт,
Пусть он лучше пьёт да пугает
честной народ...
Ну а ежели что, то расколют,
потом запрут,
Лишь бы был человек, а свинья —
она грязь найдёт...

А народ, хоть прост, не дурак,
кое в чём сечёт:
Лучше пусть богатырь страшает,
чем те, извне...
А извне из другой башки
всё подряд течёт,
И пока неизвестно, чья голова страшней.

Колыбельная раненому

Врач не Господь Бог,
врач — это лишь врач,
он не вернёт ног...
Слышишь, не плачь.

Слышишь, не плачь, спи.
Спи, посмотри сон.
Видишь, по степи
едет ГАЗон?

В этом ГАЗоне ты
среди таких же солдат...
Снова орут рты?
Снова звучит мат?

Значит, опять взрыв?
Значит, опять бой?
Видишь, ты снова жив!
Спи, брат, Господь с тобой...

* * *

Детство моё маринованным яблоком
падает, падает, падает...
Кто-то по луже в бумажном кораблике
плавает...

Плитка молочного шоколада —
вот и ломается кромка:
всем по квадратику — больше не надо...
Правда, «Алёнка»?

Правда, что всё неизбежно кончается?
Сказано так у прозаика.
—Складывай. Видишь, уже получается
жизни мозаика.

* * *

Плачет Таня. Мячик утонул.
Молодость прошла и муж в запое...
Танечка, не плачь, возьми отгул,
Да оставь ты этот мяч в покое,

Отдохни, ведь Агния Барто
Знать не знала о такой концовке:
Мячик, лужи, мальчик под зонтом
На пустой трамвайной остановке,

Пьяный муж и дочка на сносках,
Как пинок ногой в живот — зарплата...
Наша жизнь — несовершенна вся,
Что ж теперь рыдать? А ведь когда-то,

В детстве, было всё наоборот:
Рубль за счастье, эскимо и мячик,
Карусель, последний оборот
И напротив самый лучший мальчик.

* * *

Колени к подбородку подтянув,
макаешь в кипиток пакетик чая,
как пальцы в набежавшую волну,
в волну, она с рассветом подползает

к окну, в котором мечется зрачок
луча, но мысли путают друг друга
и по стене сползает паучок
подобием рассветного испуга.

Ты смотришь с грустью
в небольшой стакан,
в котором чай краснеет сиротливо,
и толпы сумасшедших египтян
меняют декорации к приливу.

Вечерний свет

Мои слова, завязанные в узел:
вопрос-ответ...
Я дверь прикрыл слегка и сразу сузил
вечерний свет...

Вечерний свет, разлитый по паркету
собрать не смог.
Который год погибшую планету
вращает Бог

и тихим светом, заплетённым в звенья,
в проём двери
Господь дарует нам Свое прощенье...
Нас изнутри

вседенно кто-то молча изучает
ища ответ.
И детский ангел тихо излучает
вечерний свет.

Михаил Этельзон

Родился в 1959 г. в Виннице. С 1977 по 1989 учился и работал в Ленинграде. Окончил Ленинградский политехнический институт и Московский институт патентной экспертизы. Печатался в многочисленных периодических изданиях в России, Канаде, Англии и США: в журналах «Арион», «Новый журнал», «Нева», «День и ночь» и др. Автор трёх поэтических книг. Живёт в Нью-Йорке.

А ты где служил...

А ты где служил? А ты где служил?
А ты где служил?
Повторял опять, повторял опять,
повторял опять...
на обрубки ног, на обрубки рук он
рубил сложил...

....
а я оборачивался, оборачивался,
оборачивался...
смотрел, как одной левой,
да, одной левой, потому
что больше нечем,
он крутит поочередно то правое,
то левое колесо инвалидной

коляски...
свой обрубок — навстречу проходим...
и повторяет: а ты где служил...
я оборачивался, как на свое прошлое —
тоже покалеченное...

Брось, о чем ты...
нелепость, глупость,
при чем тут твоё прошлое?
А ты где служил?
Что ты ему ответил?
Что ты ему можешь ответить?
Под Одессой?
На сборах два месяца? Заткнись.
Не моя страна, не моя война,
не моя вина...
А вокруг Невский, солнце, праздник...

Не в рифму?
Зачем рифма, какая рифма
к “инвалид без ног и руки”?
Нет такой рифмы.
Без размера?
Зачем размер, когда в нем
от макушки до...

До чего?! Там были ноги...
Ты его замерь!
Человек — это звучит гордо?
Ты его видел?!
Без рифмы, без размера, без звука...
Потому что они все кончились,
прекратились, исчезли,
схлопнулись в черную дыру
этого обрубка на Невском...
Весь Невский, весь город
на моих глазах втягивался
и исчезал в этой дыре...
И я оборачивался, оборачивался,
оборачивался...

Не моя страна,
не моя война,
не моя вина...

Это спектакль! Их собирали
по всей стране
и привезли сюда для сбора денег...
Это бизнес, понимаешь?
А форма, десантная? — Одели!
А погоны? — Нацепили!
А ордена? — Купили!
А ноги?
НОГИ? — Отрезали?!
Лох, они не воевали, это просто
инвалиды после аварий
на фабриках, в шахтах, по пьянке...
А взгляд? — Их накачали! Напоили!
Накурили!

Ты не понимаешь, как делают бизнес?!
“А ты где служил, а ты где служил,
а ты где служил...”
Отвожу глаза, ухожу...
И оборачиваюсь...
Нет, не понимаю...

Не моя страна,
не моя война,
не моя вина...

А если ты не прав. Если хотя бы один
из этих четырех обрубков,
кусков мяса, уже недочеловеков —
и не обрывай меня! —
ОТТУДА?

Оборачиваюсь, оборачиваюсь...

Он удаляется и должен уменьшаться
в размерах,
он обязан превратиться в точку
и исчезнуть...
Почему он растёт, уже закрыв собой
Казанский собор,
и продолжает расти...

И еще трое, которым повезло больше —
у них обе руки, —
растут, заслоняя собой
Адмиралтейство, Зимний
и Спас-на-Крови...

Я понимаю, уйдут, когда-то
они исчезнут с Невского,
перестав мозолить глаза,

напоминать...
и все станет красиво, как было,
ничего лишнего...

Их забудут, и можно будет начать
новую войну...

Неважно, настоящие ли они,
откуда их привезли,
и кто их нарядил. Пусть стоят,
пусть напоминают,
ведь пока они стоят,
пока напоминают...

Эээ... парень, ну что ты, что ты?..
стареешь — сентиментален,
мокрые глаза...

Ну что тебе до них?
Хочешь стать соляным столбом?
Не смотри назад...

Не оборачивайся...
ты уже в Боинге,

ты уже над океаном...
успокойся — коньяк, кофе, журналы...
скоро посадка...

Далеко позади Невский, инвалиды
и Казанский собор,
сам так похожий на огромного инвалида
в грязно-серой защитного цвета форме,
обрубленного по пояс,
протягивающего руки
к проходим на Невском...

Не твоя страна,
не твоя война,
не твоя вина...

Эвакуация

Маме

“...я ведь не помню... сначала Баку...
эвакуация, море... бомбёжка...
много остриженных — наголо, ёжиком...
взрывы... кораблик почти на боку...
...в море бросают тифозных больных,
в панике... с криком:

“за борт их, за борт их!”,
не разбирая, кто спящий —
кто мёртвый...

не разбирая... а мы среди них...
...лишнее — за борт, иначе ко дну...
лишние мы — шестилетние дети,
сёстры, подружки... когда-то соседи...
тоже тифозные, в полубреду...

...бабушка в трюме накрыла тряпьем,
сверху — баулы, пакеты и сумки,
так и лежали, наверное, сутки...
мне рассказали об этом потом...
...нас не нашли, и кораблик доплыл...

там — Бухара и голодные годы...
рылись в земле, собирали отходы —
ели что было... что каждый добыл...
...в Киев уже не вернулись... зачем...
близкие в Яре, а дома — чужие...
что им докажешь —

что жили?.. что живы?..
что не хватило у немцев печей?..
...лишние, как в Бухаре и Баку —
бабушка, Кларочка, Ида и Лёня...”

.....
Мама, не плачь... успокойся... я понял...
я напишу... если только смогу...

Остановка

Виталию вновь снился страшный сон. Тот сон, который случился наяву полгода назад. Подсознание запечатлело каждое мгновение этой жуткой ночи, заставляя мучиться его все сильнее.

Он помнил все. Помнил, как ругался со своей женой Ритой, как кричал на нее, нервно сжимая руль автомобиля в руках, как не заметил женщину перед машиной. Он помнил все...

И ужас, испытываемый тогда, и крик своей жены, и запах крови, преследуемый его сейчас везде, куда бы он ни шел.

Когда Виталию снилось, что машина врезалась в столб, он резко открыл глаза и испуганно оглядел комнату. Холодная рука начала искать кого-то рядом, но на той стороне кровати никого не было. На кухне горел ярко-желтый свет. Оттуда доносились мучительные рыдания.

Рита сидела на стуле, прикрыв лицо руками. Она притихла, но вскоре начала приглушенно всхлипывать.

— Милая, — прошептал Виталий, приобняв жену за плечи, — не надо плакать. За то, что тогда случилось, я буду гореть в аду, но сейчас нам нужно это пережить. Слышишь? Нам нужно жить дальше!

Рита встала со стула и подошла к окну. Она подняла голову, грустно разглядывая темное небо, усыпанное звездами.

— Ох, Виталик, — прохрипела она. Рита вытерла накатившую слезу и затем добавила:

— Виталик, я обещаю, что не буду больше плакать, я обещаю, что буду любить тебя всегда!!

Рита так и не спала всю ночь. Она бродила по квартире, что-то бормотала под нос, вспоминала чудные, счастливые моменты их брачной жизни. Виталий, как мог, успокаивал свою жену, но она словно не слышала его.

Утро наступило слишком быстро. Виталик сонно взглянул на часы. Они стояли на

месте, показывая ровно на час дня или ночи. Мужчина отвел взгляд, сердце больно закололо. Он будет помнить всегда о том, что отнял жизнь какой-то девушки, отнял право на нее ровно в час ночи. Злобно откинув будильник, отчего тот разлетелся на части, Виталий поспешно натянул штаны и прилизал растрепанные волосы.

Из комнаты послышался резкий, режущий уши звук. Будильник. Снова этот злорадный будильник, стрелка которого уже полгода показывает на час.

Виталий закрыл глаза от боли, испытываемой из-за чувства вины, он больше не мог слушать это, он просто не выдержит. Мужчина захлопнул входную дверь и вытер выступивший пот со лба.

Виталий глубоко вздохнул, наполняя свои легкие прохладным воздухом, а затем направился в сторону остановки. Он вытер грязную скамейку и аккуратно присел. Дороги на удивление были пусты, лишь одинокие люди блуждали по улицам небольшого городка.

Было тихо, слышалось только, как капает вода с крыш на мокрую землю и как падают листья, кружась в золотистом вихре. Оборвали это умиротворенное спокойствие настойчивые стуки, отчего Виталий оглянулся. Рядом с ним сидела девочка, лет двенадцати. Она была одета слишком легко для осенней погоды, взъерошенные волосы небрежно лежали на тонких плечиках. Странно, Виталий и не заметил ее, когда пришел.

— Эй, — подозвал он девочку, — с тобой все хорошо?

— Нет, — прошептала она, качая головой. — Что-нибудь случилось?

Дочка складывает розовые ладошки, крепко зажмуривает глаза. Губки шепчут искренние слова. Бог — её добрый друг, он всё понимает. Он дорог ей так же, как и другой её друг — милый щеночек с бантиком на шее. Если бы щеночек мог молиться, они бы помолились Богу вдвоём.

Барон отворачивается и смотрит на гравюру на стене...

К ночи разыгрывается шторм. Всеми ощущается качка. Генриетту успокаивает мама: — Спи, детка... Море поволнуется-поволнуется и успокоится. Ты глазки закрой и спи, а когда проснёшься — будет тихо-тихо и солнечно-солнечно.

— А мы не утонем? — не особенно веря безмятежному тону мамы, спрашивает девочка и смотрит внимательно и серьёзно.

— Нет, ну, что ты!.. Вот, кажется, уже сейчас шторм чуть тише...

Как назло, при этих словах в борт ударяет мощный вал. Раздаётся густой гул, потом какие-то постукивания, затем что-то скрипит на разные лады.

— Я боюсь! — говорит Генриетта и приподнимается на локотке.

Слышен странный шум: кажется, будто в недрах корабля ворочается и вздыхает кто-то огромный.

— Слышишь? — тут же испуганно шепчет девочка. — Что это такое?

Мама придумывает: — Внизу на корабле живёт добрый великан, который охраняет наш корабль: это он вздыхает. Но он ни за что не даст кораблю утонуть, не бойся.

— А где он? Можно на него одним глазком посмотреть? — уже заинтригованная, спрашивает дочка.

— Нет, он глубоко-глубоко внизу, и туда маленьким деткам не разрешается спускаться. Гувернантка сидит на стуле, бледная, и слегка напрягается при каждом вздрагивании судна. Видно, что она хочет тоже отвлечь чем-нибудь Генриетту, и, кажется, готова добавить новые детали в рассказ баронессы о великане, но не решаетесь вступить в разговор.

Входит барон. Его лицо строго. Он закрывает за собою дверь. В качку устоять трудно, и барон садится... Новый вал накатывает и ударяет в борт. Щенок мечется и выражает беспокойство.

— Смотри, дружок тоже боится, — слезливо говорит девочка.

Где-то протяжно скрипит. Слышно, как на палубе кто-то из команды кричит что-то, выражая досаду и нетерпение. Потом раздаётся топот — то справа, то слева.

Барон идёт к кровати дочери. Лицо его бледно, губы сжаты, но, глядя на ребёнка, он словно забывает про шум и шторм, глаза его блестят грустно и ласково.

— Если не спишь, милая моя, — нежным

— Да, моя жизнь кончена.

— Ну почему кончена, у тебя еще столько всего впереди. Главное, найти в себе силы справиться с трудностями. Расскажи, что с тобой стряслось.

— А что стряслось с вами? — неожиданно спросила маленькая незнакомка.

Сначала, Виталий растерялся, но вскоре, вспомнив, что от аварии у него остался шрам на лице, он рассказал о том происшествии.

— Мы с женой попали в аварию, из-за которой погибла незнакомая женщина, — прохрипел он, еле сдерживая слезы и рвоту, подступившую к горлу. Руки вспотели, ноги начали дрожать. Не надо было рассказывать об этом, не нужно было еще раз вспоминать и карать себя за это.

— Вы чувствуете вину? — девочка подняла глаза. Ее лицо было неестественно бледным, а губы поджаты, настолько, что они побелели.

Виталий напрягся. Ему хотелось схватить ее, а затем начать трясти. Ему хотелось закричать: «Заткнись! Это не твое дело! Кто ты такая?!!». Но он взял в себя в руки и вздохнул. Это всего лишь девочка, маленькая любопытная девочка...

— Да, я виноват в этом. Но так сложились обстоятельства и уже ничего не изменить.

Девочка разразилась громким хохотом. Она взылась за живот, а затем, встав, сложила руки за спину и изменилась в лице.

— Люди видят только то, что хотят видеть! — воскликнула незнакомка, внимательно глядя в глаза Виталия.

— И что же видишь ты? — нахмурившись, спросил мужчина.

голосом говорит барон, наклонившись к её личику и глядя на золотистые волосики, — то просто полежи: сон придёт. А фрейлейн почитает тебе сказку. Ты ведь любишь сказки. Я купил тебе новую книжку с картинками.

Он просит гувернантку сесть поближе к лампе, а сам выбирает сказку, листая книжку.

Белый воротничок упирается в дряблый подбородок барона, уголки губ скорбно поджаты, на лбу резкие дугообразные морщины, и под глазами морщины, и даже на впалых щеках, хотя барону только 42 года.

Он останавливается на какой-то странице, быстро пробегае глазами первый абзац и заставляет себя улыбнуться:

— Вот. Сказка «Мудрый кролик». Очень забавный зверёк. Они бы подружились с твоим дружком.

Барон и баронесса уходят, поцеловав дочку. Гувернантка начинает читать. Генриетта лежит, глядя в тёмный угол. Она слушает сказку, но лицо её серьёзно: шум и качка не проходят, а только усиливаются.

Глубокая ночь. Шторм не закончился, а теперь сопровождается ещё и ливнем. Качка утомительна.

Барон стоит у двери с таким видом, точно ждёт, что сюда ворвётся кто-то, кому надо дать отпор. Жена лежит, прикрыв глаза рукой. Она плакала.

— Нам надо показать её доктору Вюрцу. Мне кажется, она сильно похудела за последний месяц.

После длительного плача баронесса говорит слегка в нос.

Барон молчит, по-прежнему прислушиваясь к шумам.

— Как ты считаешь? — не услышав его мнения, спрашивает жена.

— Да, надо бы, ты права, — скороговоркой отвечает он.

Жена поворачивается на бок и старается заснуть, укрывшись красным пледом. Барон смотрит на этот плед и глаза его ширятся, точно он увидел что-то страшное.

За дверью кто-то проходит, нервно покашливая.

Слышны голоса:

— Ну, что там?

— Ничего утешительного.

— О, Пресвятая Дева... Значит, шторм усилится?

— Капитан уверен, что скоро мы попадём в настоящий ад, но корабль должен выдержать. Ладно, пошли... Не кури, тут рядом ребёнок в каюте.

Люди уходят.

Барон стоит ещё с четверть часа, слушая гул.

Вода всё чаще захлёстывает палубу. Иногда сверкает молния и доносится трескучий гром, точно где-то стреляют.

Наконец Фон Хоффенштайн тоже ложится и под качку быстро засыпает.

— Я? — девочка села обратно на скамейку и отвела взгляд. — К сожалению, я вижу правду...

Виталий опять обратил внимание на золотистые листья. Они кружились все быстрее и быстрее, устилая влажную землю. Казалось, это был мягкий, естественный ковер, подаренный самой Природой.

Мужчине хотелось убежать от этого разговора. Пойти пешком, ведь автобуса все еще нет, отправиться на работу. Но Виталий снова вздохнул. Нет, он не уйдет! Только не сейчас. Он и так всю жизнь от чего-то убегал. Хватит!

— В чем же состоит эта правда? — спросил Виталий, нервно теребя черные перчатки.

— Она состоит в том, что в нескольких кварталах отсюда стоит толпа людей, которые с ужасом наблюдают, как мое мертвое, бездыханное тело прачут за белый полиэтиленовый мешок и уносят на носилках. Правда в том, что шестнадцатилетний подросток превысил скорость, когда звонил своему другу, жалуюсь на своих родителей. Он сбил меня и в панике уехал, оставив, меня валяться на дороге, захлебываясь своей же кровью.

Девочка встала и еле слышно прошептала:

— А теперь, — она отвернулась и вытерла лицо от слез, — дайте мне уйти. Мне больше нет места в этом мире!

Виталия бросило в жар. Это что, очередной сон?!

Он проследил за уходящей девочкой, которая, словно растворяясь в воздухе, исчезала.

— Я сожалею! — воскликнул Виталий, не ожидая, что маленькая незнакомка остановится.

— О нет, — заговорила она, — это не вы должны меня жалеть, а я вас!

— Почему? — спросил мужчину, чувствуя во рту вкус крови.

— В отличие от вас, я поняла, что умерла...

Алиса ЧОПЧИК

В океане

I
Догорает осенний вечер.

Корабль уверенно идёт на запад. Рдеет закат, разливая на полнеба тревожное алое свечение и отбрасывая огненные отблески на кучевые облака, как жаркие угли отбрасывают красные блики на стенки камина. Пологие волны серые, матовые и только ближе к горизонту на воде заметно отражение зари. На востоке же темно и угрюмо, там гуляет шторм и гонится за кораблём, и небо там слилось с океаном, и ничего не видит испуганный глаз...

Барон Фридрих фон Хоффенштайн стоит и смотрит в ту сторону, откуда движется непогода.

Вот по палубе к нему бежит дочка. За нею спешит полненькая добродушная гувернантка.

— Папа, смотри, что я нарисовала!

Барон, заставляя себя улыбнуться, смотрит на рисунок: собачка, бантик на шее.

— Это же твой новый дружок? — догадывается фон Хоффенштайн. — Очень похоже. Это шедевр, милая моя.

Он и его жена преподнесли дочери Генриетте в день её рождения подарок — милого щенка. Дочка на седьмом небе от счастья.

Она тянет гувернантку за собою, и та, улыбнувшись барону, умилённая, точно желая сказать: «Как я люблю эту малышку!», бежит следом.

Барон смотрит, как дочка спешит к матери показать ей новый рисунок. Белое платье, шляпка. Худенькие, слишком худенькие ручки. Болезнь необратима. Ребёнок не доживёт и до двенадцати лет, говорят врачи. Пока она сама не очень чувствует болезнь, но вскоре с каждым месяцем положение будет неотвратимо ухудшаться.

Фон Хоффенштайн знает: жена лежит в каюте и плачет. И она делает так, чтобы дочка не заметила слёзы. Жена и он уже давно избрели разные хитрости, чтобы скрывать горе от дочери, оставляя ей полностью счастливыми те дни, пока она ещё в силах радоваться...

Ужин на корабле.

Барон фон Хоффенштайн — почётный гость и поэтому он сидит рядом с капитаном. Также почётный гость — святой отец. У него скромное, бледное лицо с невыразительными чертами. Он складывает руки и призывает всех помолиться перед едой. Фон Хоффенштайн видит: жена, глаза которой ещё влажны и красны от слёз, преодолевает себя и начинает вполголоса молиться. Барон сидит прямо, положив кисти рук на край стола, и молчит. У него на лбу вздулась жилка; видно, как она бьётся. Он медленно переводит взгляд с жены на священника. Тот, заметив, что барон не произносит слова молитвы, смотрит без укора, но с непониманием.

Татьяна Кузовлева

Родилась в Москве. Окончила истфак Московского государственного пединститута и Высшие литературные курсы. Автор 17 книг стихов и многих книг переводов. Первый сборник стихов «Волга» вышел в 1964 г. Основатель и главный редактор литературного журнала «Кольцо А» (1993-2013). Секретарь Союза писателей Москвы. Лауреат премии «Венец» (2000). Живет в Москве.

Ноль

*Он лишь образ. Пустое место.
М. Письменный. Маракис*

Когда на сцену вызван Ноль,
Сперва как плод воображенья,
Он так искусно входит в роль,
Что обнуляется мышление.

И вот уже он не фантом —
Он ладно сбит и ладно скроен.
Он входит без стеснения в дом, —
А вслед за ним жильцов хоронят.

Его не распознать в лицо.
Изменчива его орбита.
Ноль — ёрник, и его лассо
Вкруг шеи вкрадчиво обвито.

И с ним вращение Земли
И звёзд небесное вращенье —
Всё чертит в воздухе ноли:
Ноль — Смерть.
И тот же ноль — Движенье.

Живую душу взять — изволь!
(За мёртвых душ в ответе Гоголь.)
Пока летит в пролётке Ноль,
Дай мимо пролететь. Не трогай —

Сшибёт. Погибнешь ни за грош.
А если и рванёшься следом,
Наткнёшься за углом на нож,
Застрав меж тем и этим светом.

Ни вера не спасёт, ни боль
За тех, кто жмётся у обочин,
И глянешь в зеркало — там Ноль
Подмигивает и хохочет.

* * *

А в твоём январе
даже полночь сияет снегами.
Так светла и прекрасна,
что, кажется, мне не уснуть.
Это снегосвечение
встает не случайно меж нами,
А в Москве или в Берлине —
не в этом же, Господи, суть.

Потому в эту ночь
не стихи тебе шлю, не слова я —
Снег, в котором найдешь ты
январского неба глоток.
Снег летит над землей,
нас с тобою кольцом обвивая, —
Белый вихрь наших судеб
и памяти белый поток.

И не зря отзывается в сердце
то громче, то глуше
Звон снежинок — ах, сколько
с ним наших бессонниц спрелось!
Может быть, оживут еще
наши замёрзшие души,
Всё же солнце — на лето,
хотя и зима — на мороз.
Нас одна пеленает
русская горькая вьюга,
И твоим январем
не случайно продолжен мой путь.
Мы парим в небесах,
мы по тверди шагаем упруго,
Где бы ни были мы,
нам уже не прожить друг без друга,
А в Москве или в Берлине —
не в этом же, Господи, суть.

* * *

Средь световых кругов всегда
Есть тот единственный, в котором
И судьбы наши, и года
Вовек не подлежат повторам.

В нём осязаем каждый звук,
Священны имена и даты,
И чем теснее этот круг,
Тем нестерпимее утраты.

И потому в пути, в дому,
В лихие дни, в ночные праздники
Я не отдам вас никому —
Земного круга соучастники.

Елена
Ерофеева-Литвинская

Родилась и живет в Москве. Закончила театроведческий факультет ГИТИСа им. Луначарского. Автор нескольких сотен публикаций в прессе. Автор книг «Сергей Захаров. Роман-биография», «Сценарий для богини. 11 сенсационных историй о любви», книги стихов «Февральские цветы» и 20 сборников в соавторстве. Победитель ряда литературных конкурсов, награждена премией и медалью им. А. П. Чехова «за верное служение отечественной литературе».

Снова в Ленинграде

...Опять вокруг сырая,
Пронзительная синь.
Венеция вторая!
Российская латынь!

Столица мглы и ветра,
Здесь постигаем мы
Великих геометров
Торжественные сны.

Благовещенье

Благовещенья день разнежен,
Даже птица гнезда не вьет.
Снежной нитью пейзаж прорежен,
Перламутровый тает лед.

Воск зажженной свечи оплавлен,
Весь в предчувствиях Божий Дом...
То ли голубь, а то ли ангел
В поднебесье взмахнул крылом.

В кафе «Эстерхази»

Маленький столик в углу.
Отзвук забытых мелодий.
Время несется сквозь мглу
В темпе венгерских рапсодий.

Нам — пятьдесят. Мы сидим,
Празднуя тайные встречи.
Вьется узорами дым,
Тени ложатся на плечи.

Лижет дождливая муть
Контур вечерней столицы...
Не возратить, не вернуть
Юности нашей страницы!

Те, что признанья в любви
Прятали в школьной тетради,
Зрела отвага в крови
Взгляда единого ради...

Мокрый асфальт по весне
В белых каракулях мела.
Может, припомню во сне
Твой поцелуй неумелый?

Сколько отсчитано лет
После июньского бала!
Меж разноликих планет
Жизнь нас давно раскидала.

Только скажи, почему
Сердце, спокойное вроде,
Рвется к тебе одному
В темпе венгерских рапсодий?

Золотые шары

Андрею Литвинскому

Зацвели золотые шары,
Это значит — кончается лето,
Дача золотом первым согрета,
И уже не звенят комары.

Зеленеет по-прежнему сад,
Но уже вечерет так рано,
И в опаловых бликах туманы
На уснувших деревьях висят.

Воздух так по-осеннему строг,
Завершается летнее буйство,
Улеглись отпылавшие чувства,
И кропится росой песок.

Где-то слышится смех детворы,
Но уже все к отъезду готово,
Дни летят, как с откоса крутого,
И цветут золотые шары.

Екатерина Полянская

Родилась в 1967 году в Ленинграде. Член Союза Писателей России, печаталась в журналах и газетах «Нева», «День и ночь», «Звезда», «Литературная газета», «Дружба народов», «Урал» и многих других. Автор пяти стихотворных сборников, её стихи переведены на шесть языков.

А в декабре бесснежном и бессонном
Бежит трамвай со звоном обречённым,
И пешеходы движутся вперёд,
Как будто их и правда кто-то ждёт.

И пропадают в трещине витрины
Чужие лица, каменные спины,
А следом отражение моё
Торопится, спешит в небытие.

Любимый муж, любовник нелюбимый,
Эквилибристы, акробаты, мимы
Бредут сквозь ночь дорогами тоски...
И время слепо ломится в виски.

Стук метронома, взвинченные нервы,
Брандмауэра тёмный монолит -
Который час — последний или первый
По грубым кружкам вечности разлит?

Который — разошедшийся кругами?..
Но подворотня давится шагами,
Невнятно матерится инвалид,
И Млечный Путь над крышами пылит.

* * *

Скажи, куда мне спрятаться, скажи,
От жалости слепой куда мне деться?
Пролётами цепляются за сердце
Стекающие с лифта этажи.

И тянутся канаты, провода
(Мгновение — и полутонно выше)
Туда, где голубям не жить под крышей,
И ласточкам не выстроить гнезда,

Где ты меня давным-давно не ждёшь,
Где скомкано пространство
в снятых шторах...
По лестнице — шаги, у двери — шорох,
И им в ответ — озябших стёкол дрожь.

Где паучок безвременья соткал
Из памяти и тонкой светотени
Раскидистую сеть для отражений
Немеркнувших в бездонности зеркал.

Где контуры портрета на стене
Ещё видны в неверном лунном свете,
И наши неродившиеся дети
Спокойно улыбаются во сне.

* * *

Лошадь идёт по дорожке
притихшего парка,
Листья летят и щекочут ей
чуткую спину...
В еле заметную ниточку первая Парка
Молча вплетает осеннюю паутину.

Вся неприютность,
потерянность нашего рая
Сжата в коричневых завязях
будущих почек...
Лошадь идёт по дорожке.
И Парка вторая
Нить измеряет и сматывает в клубочек.

Время дрожит светотенью,
и всё-таки длится
Так осязаемо-плотно и неуловимо...
Лошадь идёт по дорожке.
И третья сестрица

Лязгает сталью.
И снова — сослепу — мимо.

Наталия Пейсонен

Родилась в 1982 году в городе Петрозаводске. Окончила Российскую Академию Театрального Искусства (РАТИ – ГИТИС) по специальности «актриса музыкального театра». Жила в Финляндии, в настоящее время живёт в Италии. Автор стихотворного сборника «До и после тебя» и ряда публикаций в русскоязычной периодике и коллективных сборниках. Лауреат поэтических конкурсов, среди которых — «Всенародная поэзия», «Время любить», «Ветер странствий» (приз зрительских симпатий). Член международной литературной ассоциации «Тайвас» (Финляндия).

Кавказские крови по северным жилам...
Я слово твое, как свое, полюбила,
царапая горло гортанною речью.
Я тело свое для тебя изувечу.
Детей нареку именами чужими
и странными уху. По тоненьким жилам
горячая кровь беспокойного рода...
Мы примем крещение горных народов
и предков твоих... Я забуду свой север,
озерные воды, суровость осенних
ветров, недвижимые глыбы гранита,
и ноги мои уже будут омыты
иной прохладой — потоками горных
течений. Я буду верна и покорна
в ответ... за пожар, за смешение крови,
за нежность в чужом и чарующем слове
твоём, за согласие многоголосий...
Я стану носить то, что женщины носят
в краях твоих. Стану сестрой
твоим сестрам.

Бескрайнее небо... огромные звезды —
как тайна, как необъяснимая сила
Кавказа. И жар твоей крови по жилам...

* * *

Москва принимала заплаканным небом,
перронами, лужами, ливнем навзрыд,
шуршанием, руганью, запахах хлеба,
снующим народцем, и весь колорит
вокзальных картинок раскрашивал пестро
дождливое утро. Вернуться опять
в твой город, и каждой жилкою остро,
и клеточкой каждой тебя ощущать
повсюду. Здесь всё -

о тебе в этом странном,
назойливом городе. Всё - о тебе...
и ты остаешься до боли желанным.
Я знаю: ты бросил играть на трубе,
ты запил по-страшному, ты ненавидел
дурацкое имя мое, ты искал
другую (какую угодно), обидеть
успел не одну, ты кого-то таскал
ночами к себе (без разбора), как средство
забыться и выжечь из памяти вон...
Я знаю, всё знаю... и вдруг разреветься,
как в детстве, на улице. Снять капюшон
и вымокнуть насквозь, как дебри столицы.
И снова глаза цвета северных вод
привидятся. Сколько
ты будешь мне сниться
ещё, и когда это, к черту, пройдет?..

Анна Тукина

1983 года рождения. Родилась и выросла в р. Карелия, Россия. В 2008 году переехала в Финляндию. Член Международной Творческой Ассоциации «Тайвас». Номинант на премию «Поэт года 2012», дипломант Международного Поэтического Конкурса «Рифмованный Мир» 2012, публикации в сборниках «Рифмованный мир» (Россия), «Поэт года 2012» (Россия), «9 муз» (Греция), «Под небом единым» (Финляндия).

Сердечное

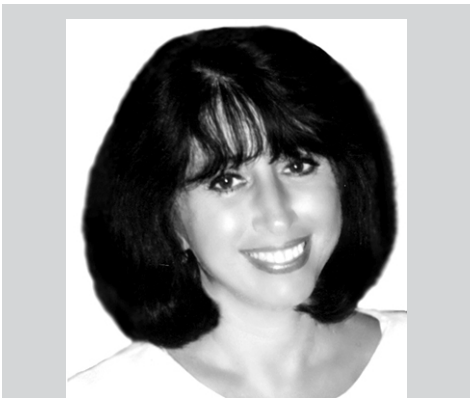
Его из меня по частям вынимали,
как плод с пороком.
Я днями лежала под одеялом,
дышала плохо.

Синела, бледнела, плевалась ядом,
стекала пеной.
А он в это время бродил во взгляде,
бежал по венам.

И доктор кричал надо мной медсестрам:
«Скорей зажимы!»
И тыкал мне в грудь чем-то
острым-острым
все время мимо.

А тот, что по венам стекла осколком —
впивался в сердце...
И чудилось, он поправлял мне челку,
просил раздеться...

Руками холодными под халатом
гулял и взглядом,
Но доктор меня возвращал в палату
седьмым разрядом.

Елена Дубровина

Родилась в Ленинграде, уехала из России в конце семидесятых годов, живёт в США. Автор сборников стихов, рассказов и романа, а также ряда публикаций в русскоязычной и англоязычной периодике.

При лунном свете

Наши ссоры и наши печали,
как лучи, разбежались по полкам.
И при каждом ударе колком —
лунный свет на предельном накале,
словно небо пронзивший ток
наших душ, освещенных извне...

Каждый луч воскрешает во мне
несложившийся ритм строк...

Разрушается лунный диск
в треугольном вечернем свете.
У судьбы моей на примете
мной воздвигнутый обелиск
справедливости наших ссор,
погрешимости двух сплетений.

В лунном свете слились две тени
всем светилам наперекор.

Страна «Воспоминанья»

Горький запах
теплой свежестью
охладил лицо и тело.
Память как бы потеплела
под лучами зимней нежности,
вышивая тихим шепотом
на экране бело-шелковым
и закаты, и рассветы,
странно канувшие в Лету.

Стало страшно. Как улитку,
я толкаю память в пропасть.
Прошлое...Никто не спросит,
не узнает. Я накидку
опущу на то, что было...

Утро в чайнике остыло...
Разноцветные осколки
улеглись на пыльной полке
отголосками сознания
из страны «Воспоминанья»

Андрей Насонов

Родился в 1978 году в п. Уташ Анапского р-на. Окончил биологический факультет КубГУ по специальности микробиолог. Участник V и VII Форумов молодых писателей России. Публиковался в журналах «Арион», «Юность», «Луч», «День и Ночь», «Студенческий меридиан», «Черновик», «Заповедник», «Дарьял», «Южная Звезда» и в нескольких литературных антологиях.

* * *

Арбузная мякоть зари.
Ночь уходит, обнажая залив
тихой жизни, среди всего, что на стол
годится, кораллы деревьев, кустов,

ночные делишки ежа,
писк торопливой мыши,
холмики, где кроты лежат,
грунтовой двухколейные лыжи.

И начнётся птичьих компаний
тусовка: перелёт, переброс, толкотня;
проползёт панцирный краб-комбайн —
печальный рыцарь поселкового дня.

И рванётся по не уложенной плитке
котюра на грядки, где перцы-носы,
где обсыпали травы улитки —
известковые памятники росы.

Ночной пейзаж с рассветом

Здесь тополь стоит —
Афродита Милосская,
лишённый ветвей, отбитых ветрами,
и море ночное прошито полоской
от двери открытой, невидимой нами.

Ты слышишь, шипит
под ногами змеистый
прибой, не знавший камней и рифов,
бросается в берег, злой и неистовый,
но катится вниз, ибо труд сизифов.

Шелест песка под носом триремы,
уткнувшейся в берег, и раковин хруст.
Холод испуга и веточки тремор,
но ветер приходит, свободен и пуст.

И вновь тишина, всплеск далёких звёзд.
Греки ушли с головою в землю.
Ловишь ускользящей тайны хвост,
но вода успокоилась и мерно дремлет.

Вода успокоилась и прибывает.
Непотопляемо только луны пятно.
Так и с тобой иногда бывает:
переполняешь и тянешь на дно.

Ночь коротка, прибой каскад.
Время уходит, через море махнув.
Кто-то, так и не закончив рассказ,
ушёл, настужь дверь распахнув.

Алёнушка и козлёночек

Шли по лесу дети-сироты: старшая — Алёнушка, меньшей — братец ее Иванушка. Устали и сели на травку отдохнуть.

А за корявым пнем поодаль ведьма сидела и все за Алёнушкой приглядывала. Очень хотелось ведьме поменяться с Алёнушкой платьями. Девушка хоть и сирота, но все ж княжеская дочь, сарафан на ней был из дорогого красного ситца. Не умела ведьма наколдовать себе такого сарафана и страшно убивалась от своей немоги.

Иванушка проголодался и стал жаловаться сестре. Алёнушка походила по лесу, набрала ему ягод и орехов. Иванушка поел и пить захотел. Алёнушка сбегала к ручью и принесла ему воды в пригоршне. Ему мало показалось. Алёнушка опять к ручью: зачерпнула воды ладонями. Покуда братцу несла, уронила три капли на траву. Пальчики у нее тонкие были, вот и прошла вода между ними. Попил Иванушка из второй пригоршни и еще просит:

— Вот если бы ты те капли не потеряла, — говорит он, — я бы уже напился. А так — нет, еще пить хочу.

Пошла Алёнушка к ручейку в третий раз, зачерпнула водицы, пальчики крепко стиснула и опять к братцу. Иванушка выпил три капли из третьей пригоршни, остальное весело расплескал, расшалился, упал на травку и ну кататься-валяться. Потом притомился и уснул. Алёнушка смотрит на спящего братца и радуется: «Живое дитя, здоровое, румяное... Как бы порадовались батюшка с матушкой!»

Присела она рядом со спящим братцем и стала свою длинную косу переплетать. А ведьма из-за кустов всё смотрит, смотрит, поджидает: когда можно будет сарафан украсть. Как заметила ведьма, что Алёнушка причёсывается, так обрадовалась: причешется — может, умыть-ся пойдет, сарафан скинет.

А в этот миг вдруг раздался топот копыт. Обернулась Алёнушка и увидела доброго молодца на коне. Выехал он из-за деревьев и говорит:

— Здравствуй, красавица, где тут можно воды испить?

— Здравствуй, — отвечает Алёнушка, — пойдем к ручью, покажу. Я и сама туда собираюсь: умыть-ся с дороги.

— А это братец твой? — спросил добрый молодец, показав на спящего Иванушку.

Елена Черникова

Писатель, журналист, преподаватель литературного мастерства. Живёт в Москве. Сказка «Алёнушка и козлёночек» написана для цикла «Любовные рассказы» в 2000 году.

— Да, — отвечает девушка, — он из того ручья уже пил — и ничего. Спит теперь мой милый.

Пошли они к ручью. Молодец принял воду пить, а Алёнушка скинула сарафан и поплыла. Она плавает в ручье, молодец воду пьет, а ведьма тихонько подкралась, рванину свою сбросила — и хват сарафан! И на себя нацепила.

Алёнушка долго плавала. Молодец напился наконец, поворачивается и видит: стоит рядом с ним ведьма в сарафане и прихорашивается.

— Ну спасибо, — говорит ей добрый молодец, — что ручей мне показала. Пойдем со мною. Я человек богатый, будем вместе жить. У меня терем большой, слуг много. И братца с собой бери...

Испугалась ведьма, да делать нечего. Пошла с добрым молодцем. Разбудили они Иванушку и отправились в путь-дорогу.

А Алёнушка вышла из ручья и не нашла своего сарафана.

Не ходить же голой: надела на себя ведьмины тряпки и стала жить в лесу, поджидать — может, пройдет через ручей еще какая-нибудь девица в красном сарафане, захочет какого-нибудь братца напоить и сама с дороги умыть-ся. Выйдет из-за деревьев добрый молодец на коне, тоже пить захочет. Девица поплывет по ручью, молодец выпьет водицы и тоже жениться захочет. А она тогда хват сарафан!..

Глазами любви

Дедушка с маленькой внучкой, лицо которой было усыпано яркими веснушками, провели день в зоопарке. Там дети встали в очередь к художнику, чтобы он разукрасил их щёки птичьими лапками.

— У тебя так много веснушек, — сказал внучке стоящий за ней мальчик, что нет места для краски.

Девочка нагнула голову от смущения. Дедушка опустил на колени рядом с ней.

— Мне нравятся твои веснушки, — сказал он.

— А мне нет! — буркнула девочка.

— Когда я был маленький, я всегда хотел иметь веснушки, — сказал дедушка, касаясь пальцем внучкиных рыжих пятнышек. — Веснушки прекрасны!

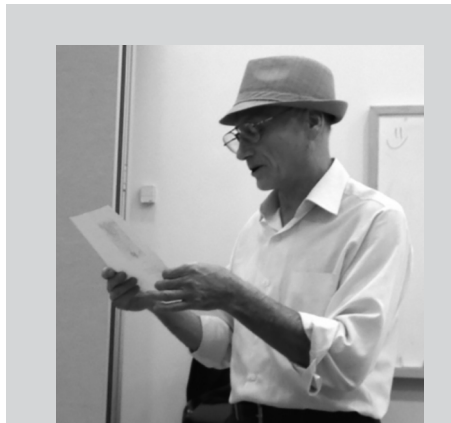
Девочка подняла глаза:

— Правда?

— Конечно! — сказал дедушка. — Ну, назови мне хотя бы одну вещь, которая была бы прекраснее веснушек.

Внучка посмотрела на улыбающееся лицо дедушки.

— Морщинки, — тихо ответила она.

Яков Смагаринский

Родился в Гадяче Полтавской области. Закончил Душанбинский сельскохозяйственный и Сиднейский технологический университет. Специальность — инженер конструктор по нестандартному оборудованию. Конструирует короткие рассказы. Некоторые из них опубликованы в российских и австралийских журналах. Призёр и лауреат нескольких литконкурсов.

Майя Шварцман

Майя Шварцман родилась в Свердловске (ныне Екатеринбург), в 1990 году эмигрировала из России. Живет в городе Гент (Бельгия), музыкант Симфонического оркестра Фландрии.

* * *

Тобой запущена праша
события, но не вернётся
ни звук свистящий, трепеща,
ни камень, канувший в колодце

безвременья. Теперь за край
заглядывай, в надежде поздних
дождаться всплесков, вопрошай
бездействующий ныне воздух,

молчанием со всех сторон
спелёнутый. С глухих окраин
ты безголосьем окружён
и тишиною же облаян.

Читая прописи воды,
внемли рисунку светотеней,
открой прозрачнее слюды
язык предметов и движений.

Ты потерял навек своё
возлюбленное нечто, язву,
душой лелеемую, чьё
отсутствие смертельно. Разве

не милосердней без затей
замуровать страданье в стену,
из рифм не строить мавзолеей
и не искать ему замену?

* * *

Где стебли тростника в воде набрякли,
в крошечке ряски, между пантомим
стрекоз латинской S застыла цапля
на фоне влаги — знаком водяным.

Как будто бы позируя для кадров,
ни разу не моргнув, оцепенев,
стоит заглавной буквой, как параграф,
как вензель, украшающий рельеф.

Всё лето напролёт, когда ни взглянешь
туда, где камыши и краснотал,
белеет, не ища других пристанищ,
точёной цапли стройный интеграл.

Быть может, к холодам она очнётся,
заметит тучи, дождь и листопад
и улетит из нашего болотца —
по осени считать своих цаплят.

Пешки

Две пожилые пешки движутся к краю
скользкой доски, ошупывая стопой
каждый порожек кажущийся, шагая
с ритмом игры стремительным
вразнобой.
Больше в сторонку жмутся,
боясь оплошки
хода фатального, толчеи, обид,
но не спастись.
Им время ставит подножку,
невозмутимо свой проводя гамбит.

Борис Вольфсон

Поэт, член Союза российских писателей, лауреат премии журнала «Ковчег». Родился и живет в Ростове-на-Дону. Работал в университете. Более двадцати лет преподаёт математику в школе. Опубликовал десять учебников и более ста научных работ. Автор сборников стихов и миниатюр в прозе. Регулярно печатается в периодике.

Memento

На этом фоне всё не слишком ценно,
всё как-то мелко, пошло, глуповато.
И наши речи — как горох об стену.
Нет, хуже — без отскока, будто в вату.

Земную жизнь пройдя — да хоть куда —
всё думаешь, что это середина.
Нет, знаешь, лучше грязную посуду
не оставлять. Хотя, не всё ль едино?

Найдётся кто-то: вычтет, подытожит,
за нас проверит школьные тетрадки
и ложечки домоет и разложит.
Хотя, быть может, и не в том порядке.

Лорка. Другая жизнь

Он постареет, высохнет, согнется.
Пропахнет табаком платок в кармане.
И на локтях протрется бархат куртки.
И, главное, ему наскучат песни.

Ненужной декорацией гитара
давно висит на выщербленной стенке,
пропитанной неумолимым солнцем,
которое его не согревает.

Служанке тридцать шесть.
Он мог погибнуть
когда-то в этом возрасте, но спасся.
И вот теперь уже не замечает,
что ей на вид от силы двадцать восемь.

Зачем он пишет, раз угасли страсти?
Рукою водит давняя привычка,
и мастерство, и отголоски ритмов
отбушевавшей арагонской хоты.

Смерть не страшна. Она уже не демон,
угрюмый и трагически прекрасный,
а старая соседка, грея кости,
сидящая на лавочке садовой.

Смеркается. Издалека доносит
порывом ветра цитрусовый запах,
и скрип колес, и тихий женский голос,
сквозь смех его зовущий: «Федерико!»

Муза

В отсутствие любви и смерти,
а также голоса и слуха
звучала муза так, поверьте,
как надоедливая муха.

Без яркой страсти и накала,
зудя, она терзала душу
и мне сквозь зубы намекала,
что это я по жизни трушу.

Она ж ни в чем не виновата:
какой багаж — такие песни.
Когда во рту не звук, а вата,
ты жить попробуй интересней.

Мол, ты не чувствуешь эпоху,
не патриот, не правове́рный,
и женщин понимаешь плохо,
поскольку муж излишне верный.

Инерция — закон природы,
не ешь клубничку в декабре ты.
Но вот душа иной породы
и игнорирует запреты...

А я и сам давно не в духе,
себя не часто принимаю.
Но что ответить этой мухе,
уже примерно понимаю.

Я о природе вдохновенья,
когда фантазия в зените,
и о душе — иного мненья
(за стиль высокий извините).

Пускай вконец раздерган весь я
и на пределе нервы снова,
мне кажется, неравновесье —
стихам прочнейшая основа.

Они рождаются из боли,
спасают, если край как плохо.
И им плевать, чего изволит
моя дурацкая эпоха.

Люблю по-своему, и верю,
и никуда не уезжаю...
А муху-музу выгнал в двери:
мне кажется, она чужая.

Строки

Живем и годы не считаем,
и книжки разные читаем,
и прём по жизни напролом.
Но вдруг подходят эти сроки,
но вдруг приходят эти строки —
не по делам, так поделом.

Они пронзительны, прекрасны,
хотя уже почти напрасны,
но лучше поздно, чем нигде, —
сквозь смех прорвавшимся рыданьем,
риторикой и бормотаньем,
лучом, вернувшимся к звезде.

Они возносят, добивают,
и в аут сердце выбивают,
и нянчат бережно в горсти,
чтоб стать желанным пораженьем,
на миг застывшим отраженьем,
«прощай», звучащим как «прости».

Они с отчаяньем подруги,
они бредут в бессонном круге
и всё же держат на плаву.
И если мне опять не спится,
за них пытаюсь уцепиться,
чтоб осознать: еще живу.

Когда бы мне от грез очнуться,
до истины не дотянуться
и что-то главное забыть,
я б встал, как Гамлет, на пороге,
увидел те же две дороги
и выбрал, на которой «быть»!

Но только нас никто не спросит.
Собака лает, ветер носит,
а караван давно в пути.
Он, как дневник, пески листает,
и ветер память замечает
«прощай», звучащим как «прости».

Что я вижу

У старости плохое зренье,
оно на целый мир клеветает, —
песок в глазах — фотонов тренье
об опостылевшие вещи.

У юности плохое зренье —
она одна на пьедестале, —
а под ногами прах, и тлен, и
неинтересные детали.

Одна лишь зрелость видит сносно,
в глазах прищуренных усмешка.
Но — то ли рано, то ли поздно —
вникать всегда мешает спешка.

Что ж, зренье требует починки.
А жизнь дымится чашкой чая,
где мы с тобою, как чайники,
летим, пути не различая.

Андрей Карпин

Родился в 1961г. в Петрозаводске (Карелия). Филолог, работал журналистом в карельских республиканских газетах. В 1997г. переехал в Финляндию. Автор сборника стихов «Дом, который я строю...», публикаций стихов и прозы в периодических изданиях, сборниках и альманахах.

* * *

Смутно брезжит рассвет
Занавески скрывают от мира
Спящих взрослых, их вещи,
Их странные долги сны...
Суть бравады и бед...
А за окнами хмуро и сыро,
Снега нет. И не будет...
И совсем далеко до весны.

Нечто

Из ничего, где даже тьмы
В природе не было в помине,
Возникло нечто.
Это мы
Зажгли с тобой огонь в камине.
Легла мне на руку ладонь.
Твоя щека плеча коснулась.
Пылал разбуженный огонь,
И ночь в реке времён тонула.
Воспринимая, как курьёз,
Любых условностей границу,
За тонкой ширмой снов и грёз
Сливались вновь тела и лица.
И вырастала ночи тень,
На всполохи огня косилась,
Металась среди гулких стен
И замирала, обессилев.
Мгла стёрла, спрятала луну.
А здесь, неровными стежками,
Наш шепот штопал тишину,
Но вскоре криками зашкалил.
Камин к утру не догорел.
Огню теперь в нем биться вечно...
Обычный жар сплетенных тел.
И нерассказанное Нечто.

* * *

Разбудит дождь в начале декабря
Тревожным стуком тяжких, хмурых
капель.
О снеге тут давно не говорят,
А дед Мороз от горя, видно, запил...

* * *

Ноябрь выстукивал в тиши
слепую дробь нецелых чисел...
Как эту формулу решить:
вода плюс ветер минус мысли?

Промозглый вечер студит мозг.
И мысли льдом звенят в бокале.
Соломинка наводит лоск
в коктейле. В этом виртуале

дождь за окном. Мне всё равно
не превзойти Ферма, Эйнштейна.
Хватаюсь сразу за бревно
и выплываю из глинтвейна

Свой кубок иссушив до дна,
перемешав и лёд, и пламя,
поверил: истина — одна.
Еще не выпитая нами.

А что ноябрь? Ему темнеть,
стучаться дробно в подоконник.
Давно листья упала медь,
и золота никто не помнит.